

Екатерина Русанова

История
Левино Амьери

16+

Екатерина Владимировна Русанова

История Левино Алигьери

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51338203

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-07504-7

Аннотация

Действие книги начинается в Италии в конце XV века и развивается на юге Франции. Незаконнорожденный сын итальянского купца Левино Алигьери, после смерти отца изгнанный из родного дома сводным братом, прибывает на юг Франции, где встречает графа Мельена. По приглашению графа он селится в его поместье. Вскоре к старику прибывает миледи Винтерхерт, которую он принимает за невесту графа. Со временем вскрывается истинное положение вещей и сущность героев. Это первая книга серии "История Левино Алигьери", повествующая о становлении личности Левино, зарождении дружбы, любви, коварстве и бессмертии.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	33
Глава 3	77
Глава 4	96
Глава 5	116
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Глава 1

Италия, родная Италия! Пропитанная морской солью и зноем земля. Прекрасный край, жарко согретый лучами солнца, напоенный ароматами акаций и лавр, сгорающий под сверкающим взглядом бездонных голубых глаз моря, и страстно зацелованный темнотой южной ночи. Эта плодородная разгоряченная от любви почва когда-то породила меня, взрастила, подобно дереву оливы, и она же лишила всего, оставив в полном одиночестве, растерянности и безнадёжности, тем самым явив миру новое жалкое беззащитное существо.

Меня зовут Левино Алигьери. Рожденный на свет двадцать второго апреля одна тысяча четыреста шестьдесят третьего года в городе Амальтия, на берегу Салернского залива. Незаконно рожденный сын своего темпераментного отца итальянского купца Меркуцио-Горация Алигьери и его служанки Летиции Росси; ребенок, не имеющий права на владение фамильным наследием и не принимаемый не одной почитаемой семьей. Я с рождения не мог найти места в окружающем мире.

У детей знатных семей для меня всегда находилось несколько неприятных описаний, таких как «незаконный», «безродный», "порождение греха" и прочее в том же духе.

Дворовые мальчишки тоже не играли со мной. У них, подобно богачам, для меня были заготовлены не менее неприятные фразы. Каждый раз, когда я приближался к ним в надежде подружиться, слышал лишь: «Чего изволит господин Алегьери?» или «Вон идёт богатенькое отродье». И, не смотря на то, что в доме было полно прислуги и со мной всегда обращались уважительно и по-доброму, все же, даже их дети вели себя отстранённо. Так книги заменили мне друзей.

Частенько уединяясь в огромной библиотеке отцовского кабинета, я не замечал пролетающих часов и постоянно засиживался допоздна, покидая родное отцовское кресло, когда на небо являлась луна. Бросая свет своей изменчивой лукавой улыбки на сад, окружающий наш старинный дом, она была моей вечной спутницей. Иногда, если не был в отъезде, к нам присоединялся отец, и тогда мы подолгу наслаждались обществом друг друга, укрывшись в беседке под раскидистой пышноголовой ивой.

Он мог бесконечно рассказывать о своих путешествиях и странах, которые довелось посетить, о привезенных товарах и диковинках, виденных там. А потом, задумчиво остановившись на мгновение, вдруг добавлял: «Жаль твоя мама не дожила до этих дней».

Он всегда с такой нежностью вспоминал время, которое было отведено им прожить вместе.

Мою маму звали Летиция. Высокая, стройная с пышной гривой густых чёрных, как смоль, волос и пронзительным

взглядом горящих зеленых глаз, она с детства отличалась красотой и добродушием. Ее взяли в дом прислуживать первой жене отца еще девочкой тринадцати лет. Отцу тогда было двадцать три и, он только что женился на итальянской аристократке Кармеле-Элаизе Моретти, происходившей из очень богатой, с древней родословной семьи.

Брак отца и его первой жены был уготовлен им их родителями еще когда те были совсем детьми, и приносил огромную выгоду обеим семьям уже на этапе помолвки. Такой союз преумножал капиталы обеих родов, еще более упрочняя их положение в обществе. К моменту заключения брака отца с дочерью Моретти в Амальтии и ее ближайших городках и их окрестностях не было семейств, имевших больший или подобный вес и значимость в обществе, нежели семейства Алигьери и Моретти. И хоть со свадьбой положение было затянуто, ее несколько раз откладывали по причине слабого здоровья невесты и бесконечных плаваний отца, она все же состоялась.

Кармела подарила отцу единственного наследника, нареченного Винченцо-Карло. Не смотря на это, особого тепла супруги друг к другу не питали и предпочитали большую часть времени проводить раздельно друг от друга. О смерти своей супруги, пораженной лихорадкой, отец узнал, возвращаясь на торговом судне из Турции.

К тому времени моей матери исполнилось семнадцать и, она превратилась из симпатичной, но нескладной девчонки,

в статную красивую девушку. Она поразила сердце отца своей красотой, едва тот переступил порог дома.

Мама встречала его в холле, готовясь принять дорожный плащ из рук, и несколько непослушных прядок выбивалось из ее прически, спадая на лоб. Отец столько раз рассказывал эту историю: «Ее взгляд был покорно устремлен в пол, однако стоило ей посмотреть на меня, как я был сражен навсегда. В ее сверкающих зеленых глазах плясали отблески свечей. Я словно замороженный не мог оторвать от них взгляд, а ведь только овдовел. Я должен был скорбеть, но не мог. Она согрела мое сердце и вдохнула в меня новую, наполненную счастьем, жизнь", – говорил он.

Уже через два года родители так полюбили друг друга, что не могли и дня провести раздельно.

К сожалению, жениться на безродной девушке отцу не позволяло положение и угрозы тестя. Отец Кармелы считал их связь осквернением памяти дочери и так негодовал по этому поводу, что пообещал уничтожить дело моего отца, ободрать до нитки, если тот посмеет жениться на маме.

Высшее общество того времени имело множество предрассудков, и подобное происшествие получило бы всеобщее порицание и неодобрение. А так как тесть имел огромный вес в нем, то привести свои угрозы в исполнение ему было бы весьма легко. Ни одна уважаемая семья в Италии не пожелала бы поддерживать связь с моим отцом, тем более иметь с ним деловые отношения, если ему в противовес по-

ставить Моретти. Но запретить родителям быть вместе общество было не в силах, однако вынуждало их не выказывать свои отношения свободно до самой смерти.

Конечно, в знатных гостиных все равно шептались и на меня смотрели косо, но так как отец Моретти открыто не выражал разрыв семей, главным образом из-за любимого внука Меркуцио, и не ставил знать перед выбором, дальше сплетен дело не пошло. К тому же родители так любили друг друга, что пересуды их волновали мало.

Мама всегда говорила, что мне нечего стыдиться своего происхождения, и подбадривала в стремлении завести друзей. Я время от времени, следуя ее наветам, предпринимал новые попытки подружиться хоть с кем-нибудь. Однако мои старания не имели успеха. Когда она умерла от воспаления легких, – мне тогда исполнилось восемь, – я перестал пытаться.

Для отца смерть мамы стала огромным потрясением. Он до последнего мгновения держал ее за руку. Он почти не спал и ни ел несколько суток, просиживая у ее кровати. Поэтому сразу после похорон его надолго свалила болезнь. Все ожидали, что отца постигнет участь мамы, однако, он все же нашел в себе силы жить дальше.

Спустя годы папа признался мне: «Оставить тебя одного в то время было бы предательством по отношению к Летиции. Она бы этого не простила».

Папа умер неделю назад, спустя одиннадцать лет после ее

кончины. Он больше не женился, хотя подобные предложения поступали не раз, и не потому, что его пугали угрозы влиятельного тестя, а потому, что хранил вечную верность своей, хоть и не по закону, любимой супруге Летиции.

Сейчас, сидя в его кабинете в том же кресле, я впервые после смерти мамы снова почувствовал страх. Старинные семейные бронзовые часы на комодке показывали без десяти одиннадцать до полудня. В голове шумело, и паника, следовавшая за мной по пятам всю неделю, достигла высшей степени накала. Меня пробирала дрожь, и знобило, как при болезни. Я, как мог, забился в отцовское кресло, представляя его объятия, крепко обнимающие меня, в надежде утешиться и защититься в них, как в детстве, однако все было тщетно. Осознание реальности ледяным кинжалом вонзалось в мое сердце, с каждой минутой приближая неизбежное и нанося все новые удары страха, безнадёжности и неизвестности ожидающей меня судьбы, неизвестности, уготовленной мне самым дорогим для меня человеком – моим отцом.

Мой отец Меркуцио-Гораций Алигьери был человек среднего роста и плотного телосложения, с жесткой аккуратно-стриженной черной бородой, густыми низко посаженными бровями и карими глазами, всегда отражающими силу и решимость. Таким я его запомнил. Не скажу, что он считался красавцем, однако его притягательный темперамент привлекал многих людей, ему было довольно легко завязывать новые знакомства и связи, так необходимые в его деле.

С незапамятных времен семья отца владела торговой компанией, в собственности которой к его смерти насчитывалось восемь судов. Они доставляли разнообразные грузы и привозили бесчисленное количество товаров из множества стран. Это было богатое и влиятельное семейство с древней родословной. Потерять подобное положение стало бы невозможной утратой и оскорбительным расточительством богатств рода, не одно столетие добивавшегося подобной значимости. И все же отец был готов на подобный шаг.

За несколько дней до смерти он позвал меня к себе. Он был бледен и слаб. От сильного, всегда энергичного и решительного человека почти ничего не осталось. Он знал, что скоро покинет этот мир, но был спокоен. Отец лежал в своей постели и яркие лучи утреннего солнца высвечивали его нездоровую бледность всегда загорелой кожи. Я сел рядом с изголовьем кровати на стул, крепко сжав ослабевшую руку отца.

Он еще какое-то время смотрел на пробивающийся сквозь листву многолетних деревьев свет, а потом заговорил:

– Я рассказывал тебе, что хотел перебраться во Францию? – его голос подрагивал и немного хрипел. – Да-да! Я хотел бросить все ради твоей матери... Летиции. Женится на ней... и увезти... от вечно укоряющих... завистливых взглядов этих гадких людишек, мнящих... себя выше и значимее! – он перевел дыхание и сглотнул пересохшее горло.

Я осторожно положил его руку на одеяло, встал, обошел

вокруг кровати и, взяв кувшин с вином с прикроватного столика, наполнил бокал.

– Она не дала... мне этого сделать, – не обращая на меня внимания, тяжело дыша продолжал отец. – Говорила, что все это не важно, лишь бы мы... всегда были вместе, – он сделал паузу, и я поднес к его губам бокал.

Папа сделал несколько глотков и жестом попросил убрать бокал на столик.

– Я так и не научился жить без нее, – облизав сухие губы, грустно продолжил он. – Твоя мама... она была для меня солнцем, самым... самым пленительным светом. Мне было всегда так трудно покинуть ее. Садясь на корабль, я думал, увижу ли снова свет этих горящих глаз, и каждый раз, будто вырывал кусок сердца из груди. Возвращаясь домой, я считал минуты... и даже секунды до нашей встречи. Она была для меня... всем. Ты... ты самое дорогое, что осталось от нее мне. Ты плод нашей любви. Запереть тебя здесь, в этом доме, было самой большой ошибкой в моей жизни. Ты должен... простить меня!

– Отец, вы не запирали... – чуть слышно возразил я.

– Каждый раз... – его голос слабел, но он настойчиво продолжал, – каждый раз, собираясь в плавание, я ждал, что ты попросишь меня взять тебя с собой, но ты почему-то так и не попросил. Я думал, тебе будет спокойнее в стенах этого дома, будет лучше. – Он отвел взгляд на листву, прикрывающую окно. Я заметил, как его глаза затуманились пеленой и

заблестели. – Я ошибался! – с твердостью в голосе произнес он, снова посмотрев на меня. – Именно поэтому ты не совершил ни единого путешествия в своей жизни, не повидал мир... не знаешь людей, поэтому ты должен простить меня.

– Отец, вам нужно отдохнуть. Волнения излишни, – спокойно сказал я, возвращаясь на стул.

Подобные рассуждения за последние несколько недель были не редкость. Отец с каждым днем все больше ударялся в воспоминания, и с каждым днем его все больше одолевало чувство вины. Я воспринимал эти слова лишь как проявление болезни.

– Ты должен простить меня... ты должен понять меня... – отчаянно твердил отец.

– Папа, мне не за что вас прощать... – каждый раз монотонно повторял я уже заученную фразу. Именно поэтому его следующие слова, дошли до меня не сразу.

– Я не оставил тебе этот дом... я не оставил тебе свое дело! – настойчиво перебил он, пытаюсь заглянуть в мои глаза.

Не обращая внимания, я спокойно встал поправить одеяло у ног отца и вдруг застыл на месте, бут-то наткнувшись на невидимое препятствие. Эти слова я слышал впервые. В животе что-то резко ухнуло вниз, кровь отхлынула от лица. Я взглянул на папу, пытаюсь понять смысл сказанного. Он смотрел на меня влажным взглядом и в подтверждение своих слов слегка кивнул. Я почувствовал тошноту во рту, голова закружилась и резко стало не хватать воздуха.

Мне не нужно было его дело, я ничего в нем не понимал, но дом, дом был моей надежной крепостью, моим укрытием с рождения. Он спасал меня от всех бед и невзгод, утешал и защищал меня. Поверить в слова отца было невозможно. Отец же продолжал, не замечая, как с каждым произнесенным им словом в моей душе нарастает страх.

– Поверь... со временем ты поймешь. Так будет лучше! – он снова отвел взгляд. Я заметил, как в уголках его уставших глаз скопилось несколько мелких слезинок. Он выглядел таким печальным и таким уставшим.

– Что вы такое говорите, отец? – неестественно высоким тоном спросил я.

– После того, как я покину этот мир, ты не сможешь жить в этом доме. Он не будет твоим. Я его тебе не оставил, – сипло повторил отец.

– Отец, но почему? – я не мог скрыть испуг.

Конечно, я не думал о наследстве, я вообще не размышлял о том, что будет, когда отца запечатают в земле, и не рассчитывал на наследство и, конечно, не претендовал. До этого момента для меня имело значение лишь состояние здоровья папы. Пока он дышал, я был спокоен и в серьез не воспринимал, что он действительно может умереть. Я отрицал любую мысль об этом. Я не осознавал, что в скором времени уклад моей жизни может существенно измениться, что она будет продолжаться и после того, как ее покинет отец, не хотел думать о том, что будет дальше. Я не был готов к подобному.

Узнать, что самый дорогой мне человек, ничего мне после себя не оставил, что нет спасательной шлюпки, и я теперь сам по себе, стало для меня ударом.

– Я не хотел запирать тебя здесь на всю оставшуюся жизнь, – устало пояснил отец. – Да и господин Моретти, отец Кармелы, этот злобный алчный старик, не даст тебе спокойно жить, пока не отберет все. Тебе с ним не справится одному. Прости меня, все это унаследует Винченцо... Тебе не стоит рассчитывать на его доброту. Это моя ошибка. Я не был добр с ним, не любил так, как любил тебя. Все свое тепло отдал лишь вам с мамой. И он не будет благодарен мне за то, что должно было принадлежать ему по праву наследия.

Вдруг я ощутил, что ноги уже не в состоянии держать меня. Я упал на колени, уткнувшись лицом в ноги больного отца.

– Папа, за что вы хотите изгнать меня из родного дома? В чем я провинился? Чем огорчил вас? – в отчаянии простонал я, с невозможностью подавить захватившую меня панику.

– Нет, сын мой! Ты был хорошим сыном! Ты был любимым сыном! И я хочу, что бы ты понял меня. Я сделал это не что бы наказать тебя, я сделал это лишь из большой любви... Так будет лучше для тебя! – он слегка протянул ко мне ослабевшие руки, но приподняться и обнять меня был не в силах.

– Не надо, папа! – зарывшись в одеяло, молил я, не замечая этого.

– С этого дня, сын, начинается твое путешествие в жизнь. Я хочу, что бы ты прожил достойную счастливую жизнь, наполненную интересными событиями и приключениями, нашел свое место в ней... Здесь ты его не найдешь. Прости меня за это!

– Не говорите так, отец! Вы поправитесь, обязательно! – проскулил я. Его слова разрывали мое сердце на куски.

– Уже не поправлюсь, – печально прохрипел он, – но не переживай, сын. Когда ты родился, я открыл счет в одном французском банке... на твое имя. Там скопилась приличная сумма. Ты сможешь воспользоваться этими деньгами сразу после моей смерти. Моретти до них не доберется, так что при разумном использовании тебе должно хватит на безбедную жизнь. И еще, – он протянул дрожащую руку в сторону комода, – там, в комодке лежит мешочек... там деньги. Они твои. Этого должно хватить на год или полтора. Так что, сразу после моей смерти, ты сможешь отправиться в путь.

– Отец... отец... – слезы катились по моим щекам на одеяло, в горле застрял ком, дыхание перехватило, я задышался.

– Возьми их... там! Возьми и убери к себе! – устало потребовал отец.

– Папа... Что я буду без вас делать? Вы не можете... уйти... вы поправитесь и...

– Возьми! – не терпеливо настаивал отец.

Повинуясь его воле, на ватных ногах и с тяжелым сердцем я заставил себя встать, утереть рукавом заплаканное лицо

и взять грузный кожаный мешочек, туго набитый золотыми монетами.

– Пока не открывай! Дождись, пока меня не станет, – сдавленно прохрипел отец, едва я потянулся к жесткой кожаной веревке, что бы раскрыть мешок, а потом тяжело выдохнул. – Я так устал. Хочу отдохнуть... Подойди, сын, – пожелал он, – обними меня.

С грустью в сердце и грузом золота в руках я приблизился к отцу и обнял его так крепко, как только мог.

– Вам надо поспать, – сквозь слезы прошептал я, поцеловал его в горячий лоб и покинул комнату.

В удрученном состоянии я еле добрал до своей комнаты, рухнул на кровать, деньги засунул в прикроватную тумбу и просто уснул. Весь следующий день я провел в прискорбных мыслях, размышляя о том, как жестока бывает судьба. Я жалел себя и грел обиду на несправедливость общества, вынудившего моего отца не жениться на любимой и не оставить его сыну – мне – ничего. Я бродил по комнатам, по саду, мысленно прощаясь с ними, глазами пытаюсь вобрать в себя каждый уголок родных и знакомых стен, мебели, вещей, каждой мелочи. Я должен был навсегда покинуть этот дом, навсегда прогнать привычный для меня образ жизни, шагнуть в неизвестность и принять все, что готовит мне судьба. В тот день я не зашел лишь в одну комнату – комнату отца. С невыносимым чувством утраты, поджав колени к груди, я пролежал на кровати всю ночь и лишь под утро заснул в

твердой уверенности, что не зайду к отцу пока не смогу принять его решение. Я не злился на него, просто не понимал. Однако к полудню следующего дня не смог противиться желанию наглядеться на него последние дни, а может даже часы, не смог побороть чувство вины и не сказать в последний раз, что люблю его и буду очень скучать, не смог не обнять его еще раз напоследок.

Через три дня лихорадка унесла его жизнь. До последнего вздоха я был с ним. Предсмертные часы он бредил, сторяя от жара. Отец умер в полдень с именем матери на устах:

– Летиция, я иду к тебе, – еле слышно выдохнул он.

Когда после этого он закрыл глаза, я понял, папа уже не проснется. Я проплакал у его постели весь оставшийся день и всю ночь. Мне не хотелось верить, что его уже нет, не хотелось его отпускать. Наутро, открыв опухшие от слез глаза и сжимая похолодевшую безжизненную родную руку, я спокойно встал, поправил одеяло на теле отца, поцеловал его в лоб и вышел.

– Спи спокойно, – пожелал ему я.

Ничего уже нельзя было сделать. За дверью меня ждала другая, реальная жизнь, и нужно было ее принять.

За пару дней до смерти отец призвал к себе Винченцо. Он хотел попросить у него прощения за все, но тот не пришел. Не пришел Винченцо и в последующие два дня, не смотря на незамедлительно посланного в его дом слуги с уведомлением о смерти родителя. Лишь в день похорон вся его се-

мья – жена и двое детей с Винченцо во главе, – траурной процессией прошествовали в церкви, где была организована прощальная служба с Меркуцио-Горацием Алигьери, заняв свои места рядом с высокомерно взирающей вокруг семьей Моретти. Те радушно, без тени скорби на лицах, приняли в свои объятия его и его семью.

Мой сводный брат выглядел официально-сдержанно, весь закованный в черное и с хмурой миной на лице. Он так и не подошел поприветствовать меня, лишь бросил презрительный брезгливый взгляд в мою сторону, уподобляясь семье его матери. А когда тело отца опускали в землю, то на лице Винченцо даже отражалось скучающее выражение. Я был убит горем и не понимал, как можно испытывать такое безразличие к собственному отцу. Я надеялся, что после смерти папы, мы утешимся в объятиях друг друга, и общее горе сблизит нас, хотя рассчитывать на подобное было весьма наивно с моей стороны. Мы никогда не были близки, и все же я хотел в это верить. Но вместо скорби в глазах сводного брата, я увидел лишь ненависть и холод.

На мое удивление пришедшие почтить память отца, а их был почти весь город, в отличие от семьи Моретти, вели себя любезно со мной. Наверно, они полагали, что после похорон все наследство, как любимейший отпрыск Алигьери унаследую я. Скорее всего, так же думал и Винченцо. Сквозь его ледяной взгляд время от времени просачивались искры негодования, словно само мое существование оскорбляло его.

Конечно же, он не знал, что ему уготовлено завещанием отца, никто не знал. После самих похорон, я больше его не встречал.

Множество людей в течение последовавшей недели посетило наш дом в надежде выразить свои соболезнования и засвидетельствовать почтение будущему наследнику безмерных богатств семьи, а мне хотелось спрятаться и убежать. Стыдливо отводя взгляд в сторону, я принимал их сожаления об утрате и спешил уединиться в отцовском кабинете, стгорая от безысходности своего положения и от горя.

Вот и сегодня вновь забившись в массивное кресло, я трусливо готовился принять свою судьбу. С минуты на минуту ожидался нотариус зачитать завещание отца. С минуты на минуту все должно было закончиться, и очень скоро все узнают, что я навсегда так и останусь безродным, незаконным сыном своего отца. Тогда восхищенные взгляды обратятся к Винченцо, а я, несомненно, буду изгнан из города и забыт, как давнишняя сплетня.

Часы на комодe безжалостно отсчитывали минуты, неуклонно приближая этот трагический для меня момент. Стук в дверь раздался, как удар молотка о древесину перед оглашением приговора. Дверь скрипнула, и в проеме возник управляющий домом Роберто.

– Нотариус, господин... синьор Ломбарди ожидает в гостиной. Куда прикажите проводить? – робко доложил он.

– Эммм, – заикнулся я и подавился в тот же миг. Спустя

минуту я откашлялся в кулак и распорядился, – Сюда... проводи... в кабинет. Здесь будет удобнее всего.

Роберто послушно кивну и собрался уходить.

– А Винченцо уже прибыл? – поспешно поинтересовался я.

– Нет еще, господин, – отозвался тот.

И только он это сказал, как во дворе послышался цокот копыт и поскрипывание прибывшей кареты.

– Разрешите проводить? – неловко спросил управляющий.

– Д-да, идите, – запинаясь, позволил я.

Когда дверь за ним закрылась, я с дрожью в теле, как мог, расправил плечи, уселся в кресле прямее и попытался прогнать с лица выражение отчаяния, напустив, как мне казалось, вид скорби от утраты отца и покорности дальнейшей судьбе, однако дрожь в руках выдавала мой страх. Потом меня вдруг посетила мысль, что за столом я мог выглядеть по хозяйски, словно и не имел сомнений в завещанном, а после оглашения последней воли отца мое положение вообще могло показаться неуместным или восприниматься, как вызов Винченцо. Я быстро встал, отошел от стола подальше и, решив, что так буду выглядеть лучше всего, прошел к окну, изобразив любование садом.

Через минуту в дверь снова постучали, в проеме показался Роберто, за ним шел синьор Ломбарди.

Армандо Ломбарди был энергичным волевым человеком

средних лет, среднего роста, поджарый, с темно-коричневыми глазами и близко расположенными друг к другу бровями, придававшими его лицу строгий вид, даже когда тот улыбался. Он всегда одевался с иголки, имел пышную бороду с бакенбардами и аккуратно зачесывал назад каштановые доходившие до плеч волосы, сквозь которые просвечивала зарождающаяся лысина, тщательно скрываемаемая беретом без полей. Сколько я его знал, он был хорошим другом моего родителя и частенько обедал у нас вместе с супругой.

Нотариус широкой походкой вошел в комнату, свободной рукой крепко сжал мою руку в знак приветствия, и, после моего предложения расположиться в отцовском кресле, деловитой походкой проследовал к столу. Когда он занял место, положил свою сумку из кожи, крепко зажатую в другой руке, на столе, вынул маленькие, с овальными стеклами очки из кармана симарры, насадил их на нос и достал бумаги, дверь снова распахнулась. В кабинете появился Винченцо. Я непроизвольно вздрогнул и углубился в затененную часть кабинета.

Брат был, как всегда холоден и молчалив. Он поприветствовал меня уничижающим взглядом, прошел в противоположную сторону и уселся на стул, недовольно сцепив пальцы рук на поясе с таким видом, словно вся эта процедура была ему крайне неприятна, и он хотел поскорее с ней разделаться.

– Ну-с, приступим! – заявил нотариус, наконец, разложив

все бумаги на столе. – Мы собрались здесь сегодня, пятнадцатого марта одна тысяча четыреста восемьдесят четвертого года, дабы зачитать последнюю волю моего уважаемого клиента Меркуцио-Горация Алигьери.

Винченцо презрительно фыркнул себе под нос, отвернувшись к окну.

Синьор Ломбарди продолжил, не заметив этого:

– Итак, завещание Меркуцио-Горация Алигьери от двадцать шестого апреля одна тысяча четыреста восемьдесят второго года, составленное в городе Амальтия Амальтийского герцогства в присутствии и со слов озвученного мной лица, гласит, – монотонно зачитал он, – я, Меркуцио-Гораций Алигьери, сын Горация-Паоло Алигьери, рожденный девятнадцатого ноября одна тысяча четыреста тридцать третьего года в городе Амальтия, настоящим завещаю моему старшему сыну Винченцо-Карло Алигьери родовой дом под номером №4 по улице Роз в городе Амальтия вместе со всем, находящемся в нем имуществом и землей, – на одном дыхании прочитал нотариус, затем вздохнул и продолжил: – а так же поместье «Гнездо» в пяти милях на северо-востоке от города Амальтия со всем имуществом и землей, что бы тот сохранил их и древние традиции благородной семьи Алигьери для потомков...

При этих словах Винченцо резко развернулся на стуле и вперил свой недоумевающий взгляд в нотариуса.

– ...свою судовую компанию со всем имуществом, вклю-

чая семь суден, в надежде, что тот достойно продолжит дело своих праотцов...

По мере того, как синьор Ломбарди продолжал скучно зачитывать документ, глаза брата все больше расширялись, и в конце стали походить на маленькие тарелочки, а рот от удивления раскрылся, что придало лицу Винченцо глупый вид.

– ... все состояние, скопившееся на счетах в банках и сейфах компании, что бы тот сохранил его и приумножил.

Когда нотариус закончил с предназначенной Винченцо долей наследства, брат еще какое-то время тупо смотрел на него невидящим взглядом. Но затем недоумение сменилось недоверием. Он перевел прищуренный взгляд на меня, ожидая подвоха в дальнейшей части документа.

– Своему младшему сыну Левино Алигьери я оставляю самое дорогое моему сердцу судно «Летиция», пришвартованное в порту города Арфлюерер во Франции, и деньги, переданные ему лично перед смертью, что бы тот мог последовать за судьбой и нашел свой путь в жизни.

Про оставленные деньги на счету во Франции отец тактично не упомянул.

– Текст завещания записан с моих слов и до его подписания прочитан мною лично в присутствии нотариуса, – закончил Армандо Ломбарди, вздохнул, скатал документ в трубочку, перетянул лентой и протянул Винченцо.

После того, как тот, прибывая в растерянном и изумленном состоянии, заостенелыми руками взял свиток, нотари-

ус достал точно такой же документ из своей сумки, поднялся с кресла, обогнул стол и вручил его мне.

– И все?! – потрясенно прошептал Винченцо, невидящим взглядом уставившись в нотариуса. – После всего отец оставил ему судёнышко и жалкую горстку монет? – тихо спросил он скорее себя, чем кого-то.

– Согласно завещанию моего покойного клиента, да, – деловито-строго подтвердил нотариус. – Могу быть свободен? – обратился он ко мне.

– Да, благодарю, – невнятно пробормотал я, не отрывая глаз от брата. Тот тупо смотрел на свиток и казался растерянным.

Синьор Ломбарди вышел в дверь.

Я и Винченцо остались одни в комнате. Повисла неуютная тишина. Речь вернулась к брату через мгновение, а в след за ним и прежнее состояние. На его лице снова отразился отпечаток надменной брезгливости.

– Ты не удивлен? – охрипшим от жажды голосом поинтересовался он.

– Нет, – спокойно ответил я.

Винченцо встал со стула и подошел к графину с вином промочить горло.

– И не раздавлен? – недоверчиво приподняв одну бровь он окинул меня оценивающим взглядом.

– Нет, – бесцветно произнес я.

– Нет, – непонимающе повторил Винченцо и отхлебнул

вина, не отрывая от меня прищуренных глаз. – В чем дело? Отец оставил тебе что-то еще? – он сделал еще глоток, – Что-то значительное, о чем не сказано в завещании? – спросил он, отрываясь от бокала.

– Нет, – чувствуя раздражение солгал я.

Я смотрел на брата и не понимал. Я ожидал увидеть на его лице радость, удовлетворение, облегчение или хоть немного благодарности своему родителю, но не видел и намека на это. Завершение отца вызвало в нем лишь разочарование и недовольство, словно он получил меньше, чем рассчитывал или не получил положенного вовсе.

– Я знал о завещании, – с печалью в голосе пояснил я. – Отец рассказал мне незадолго до смерти.

– Вот как? Отчего же он поступил так с тобой? Ты ему чем-то не угодил? – при последних словах он саркастично усмехнулся и одним глотком осушил бокал.

– Я не знаю, – холодно процедил я. – Он вызывал тебя к себе перед смертью, что бы рассказать все и попросить прощения. Вот и спросил бы у него... – раздражаясь больше произнес я.

– Извинится?! – мгновенно вспыхнул Винченцо, словно услышал нечто оскорбительное.

От неожиданности я вздрогнул, сделав шаг назад. По телу мимолетной волной прокатились мурашки.

– За что?! За то, что не любил меня?! – гневно вскрикнул он.

– Это не правда!.. Он любил тебя! – дрогнувшим голосом возразил я.

– Любил?! – злобно выплюнул тот. – Меня сослали в пансион едва ты родился, дабы придаваться любовным утехам со своей служ...

– Не смей так говорить о моей матери! – вскипел я, но тот меня не слышал.

– Он даже на похороны не явился! Он вернулся в дом, не сожалея о ее утрате! Меня отправил с глаз долой, а комнату моей матери... – обвинительно продолжал он, не переставая сверлить меня испепеляющим взглядом, – ее комнату он переделал уже спустя месяц! Не оставил ничего, что бы могло напоминать о ней! Мне пришлось просить ее портрет у деда, что бы иметь хоть какую-то память о маме! Отец не жаждал и моих приездов, не встречал меня, не обнял ни разу... – задохнулся он от возмущения. – Ты это называешь любовью?!

В глазах брата сверкали молнии, а в голосе слышалась такая ненависть, что я неожиданно почувствовал жалость к нему. Я наблюдал, как с другого конца комнаты он яростно размахивал пустым бокалом.

– Он оставил тебе все... этот дом... свое дело, – в попытке усмирить брата, возразил я. – Это ли не его любовь? Это ли не его раскаяние за скупость чувств к тебе?

– Он оставил это все потому... – Винченцо вдруг замер на месте и, словно пытаясь вспомнить что-то, устремил взгляд в потолок. – Как там было? – Внезапно он бухнул бокалом

об столешницу, при этом я снова вздрогнул, схватил завещание, которое в порыве гнева бросил на стол отца, сорвал ленту и развернул свиток. – Так... Где же?... А, вот! ... что бы тот сохранил их и древние традиции благородной семьи Алигьери. Ха! Благородной?! Связавшись с твоей матерью, он все предал! А когда появился ты, все стало еще хуже! Я стал совсем не нужен! – вновь отбросив завещание в сторону стола, почти кричал он от злости.

– Однако в поездки он брал тебя! Не меня, – настаивал я, хоть в глубине души и знал, что бессмысленно.

– Как помощника, не как сына! – жестко парировал тот. – Говори, что такого оставил тебе отец?! – потребовал брат, угрожающе нацелив на меня указательный палец зажатой в кулак руки.

– Он оставил мне судёнышко и жалкую горстку монет! – язвительно процитировал я слова брата. – Тебе мало? Что ты хочешь еще? – пытаюсь сохранить в себе смелость, отбивался я.

Я никогда не видел его таким. Откровенно говоря, я вообще ни разу в жизни даже не слышал, что бы Винченцо даже голос повысил. Ярость, выливающаяся наружу сейчас, видимо, копилась в нем годами, сдерживаемая неизвестно какой силой. Смерть папы прорвала плотину чувств в нем, и вся ненависть бурным потоком устремилась наружу. В этот момент до моего сознания начал доходить смысл поведения Винченцо. Я вдруг понял, что брат испытывал к отцу вовсе

не ненависть. Это была ревность и обида за то, что тот любил меня больше. Он видел теплоту отца ко мне даже в том, что он не оставил мне ничего. Винченцо чувствовал, что отец принял такое решение не с проста и не из прихоти – папа сам так мне сказал, и это злило Винченцо, хоть он этого и не слышал.

Мне вспомнился один момент из прошлого, когда я провожал отца в очередное плавание. Мне тогда было тринадцать. Стоя на пристани, я махал уходящему вдаль судну. На палубе стоял отец и махал мне в ответ. Вдруг к нему подошел Винченцо и обнял, а отец непроизвольно положил ему руку на плечо. В этот миг я испытывал зависть к брату за то, что это он, а не я сейчас обнимаю отца, стоя на судне, уносящем их в очередное приключение. Я испытывал ревность каждый раз, провожая их, пока судно не скрывалось за горизонтом. А потом с пустотой, быстро заполняемой чувством одиночества и ненужности в сердце, плелся обратно домой.

Видимо, мы оба чувствовали одно и то же в данный момент. Мы оба завидовали друг другу, мы оба ревновали.

На какое-то время снова воцарилась тишина. Мы смотрели друг на друга без вызова и, мне показалось, что в глазах брата промелькнуло понимание, но лишь на краткий миг. Потом с ноткой обычного высокомерия он произнёс:

– Через два месяца я перевезу сюда семью. Пожалуй, этого должно хватить на подготовку и сборы.

Он оторвался от своего места и направился к двери.

– Они в подвале, – тихо сказал я ему в след.

– Что? – на мгновение задержавшись, растерянно спросил брат.

– Вещи твоей матери. Они в подвале. Он не уничтожил их. Вещи там, – виновато пояснил я.

Брат отстраненно задержал на мне взгляд прежде, чем покинуть комнату, а затем вышел, не закрыв за собой дверь. Мне было не понятно, благодарен ли он мне за эти слова или ему все равно.

Когда Винченцо покинул дом, я спустился в подвал. При свете свечи я рассматривал многочисленные свертки, коробки и сундуки, картины, укрытые тканью, покрытые многолетним слоем пыли забытые вещи и думал, как бы я чувствовал себя на месте Винченцо. Злился ли? Переживал? Хотел бы отомстить?

Когда моей мамы не стало, я испытывал ужасающий страх перед завтрашним днем. Я боялся будущего без нее, без ее любви, заботы и поддержки. Отец, показал, что мне нечего бояться. Он пытался компенсировать нехватку ее любви, заполняя пустоту в моей душе своей любовью, своим общением, своим теплом. С Винченцо было не так. Он остался один, без поддержки и понимания, один со своим горем, один со своим страхом и теперь, наверняка, злился на меня за то, что я отобрал у него отца, отобрал другое, возможно, более счастливое будущее.

Я ходил вдоль стен от коробки к коробке, пытаюсь понять,

какой была мать Винченцо. Возможно, если бы она не умерла, отец бы не влюбился в мою мать, и Винченцо не был бы так одинок все годы. Возможно, отец испытывал бы к нему большую привязанность.

«В чем вина Винченцо? Только ли в том, что его родила не та женщина и не в той семье? Почему у отца с Кармелой не сложилась семейная жизнь? Любил ли отец вообще когда-нибудь эту женщину?» – мысленно я задавал себе вопросы, на которые не мог найти ответ.

Под одной из пыльных тканей я нашел портрет Кармелы Моретти. С потускневшего от времени холста на меня смотрела худосочная бледная женщина с узким вытянутым лицом и острыми чертами. Ее волосы цвета выцветшей дубовой коры были собраны лентами на затылке в изящную серебряную сеточку, расшитую жемчужинами, а в ореховых глазах играл холодный блеск, подбородок горделиво устремился вверх. На ней было расшитое золотыми нитями темно-зеленое парчовое платье, скрывающее тело почти целиком. Из разрезов длинных рукавов выглядывали лишь бледные запястья с костлявыми длинными пальцами рук.

Удивительно, как Винченцо был похож на свою мать. Те же волосы, только немного темнее, те же черты лица, та же худосочность, тот же взгляд и манера одеваться. Он предпочитал носить темные цвета и всегда, что я его видел, был застегнут на все пуговицы. Необычно что сегодня, в отличие от своей привычной молчаливости и замкнутости, он был

слишком эмоционален.

И так же, как Винченцо походил на свою мать, точно так же я был похож на отца: среднего роста, не худой, не полный, с четкими и одновременно мягкими чертами лица, с густыми бровями, только вот не так низко посаженными, как у него; с карими глазами, черными волосами до плеч и бакенбардами, доходившими до среднего уха. И хоть внешне мы были схожи, все же, его силу и притягательный характер я, к сожалению, не унаследовал. По части замкнутости и привычке держать свои мысли при себе, я был не многим лучше Винченцо.

Видимо, завещание вывело его из себя, а меня вывела из себя его реакция на решение отца. Я не ожидал встретить в лице Винченцо соперника, но его обида на родителя, судя по всему, была слишком глубока и сейчас, в виду отсутствия папы, безусловно, распространялась на меня.

Я знал Винченцо лишь поверхностно и мог лишь догадываться, что он чувствует и что может сделать на самом деле. Представив это, мне вдруг стало страшно. Глядя на вещи вокруг, я на мгновение предположил, что брат, возможно, захочет отомстить отцу, и уничтожить все, что делало его счастливым, убить воспоминания о той, которую он истинно любил. Судя по его реакции сегодня, я мог это ожидать. Только вот папа об этом уже не узнает. Удар придется принять мне. Я буду наказан за отцовскую ласку, и Винченцо, наверняка, воспользуется возможностью, что бы по-

казать мне, какого это, быть ненужным, какого, когда на твоих глазах разрушают дорогие сердцу вещи, хранящие воспоминания о любимых людях. За свою невольную откровенность в кабинете, приоткрывшую его уязвимость, он ударит побольнее. Мне стало противно находиться среди этих вещей, и я, схватив принесенную свечу, немедленно поспешил покинуть подвал, ставший могилой памяти о матери Винченцо. В этот момент внутри меня поселилось гнетущее чувство тревоги.

Глава 2

Как я полагал, так и произошло. Уже спустя три дня брат появился на пороге дома в компании архитектора Паскуаля Гирландайо. Тот являлся человеком низкорослым, плотным и чрезвычайно уверенным в себе. Едва пройдя в гостиную, архитектор пробежал беглым оценивающим взглядом вокруг и тут же начал сыпать предложениями по ее уничтожению, заменяя это словом "исправить".

Винченцо же казался отстраненным и не слушал его. Архитектор рядом с ним напоминал гигантского жука, не перестающего раздражающе жужжать. Мне даже подумалось, что для брата не имеет значения, каким станет дом впоследствии, важен был сам процесс уничтожения обидных воспоминаний.

Заметив меня, стоящего затаив дыхание на вершине лестницы, ведущей в спальню, он чуть заметно кивнул в знак того, что заметил меня, вовсе не приветствия, а затем повернулся к Гирландайо и решительно произнес:

– Я хочу переделать здесь все! Этот дом уж больно пахнет древностью. Хочу, так сказать, – его высокомерный взгляд мимолетно пробежал вокруг, на мгновение, ехидно сверкнув, задержался на мне и вновь обратился к архитектору, – смахнуть пыль! Изгнать духов прошлого!

Кровь отхлынула с моего лица, а во рту пересохло.

– О, – восторженно затрепетал архитектор, – согласен с вами абсолютно! Я повторюсь, этот стиль уже давно не моден! Могу лишь уточнить...

– Бюджет не имеет значения! – деловито перебил брат.

– Отлично! Превосходно! – восторженно закивал синьор Гирландайо.

– Начнем, пожалуй, с кабинета! – кольнув меня легким подобием улыбки, пропитанным надменным самодовольством, воодушевленно продолжил брат.

В этот момент вниз живота мне упало нечто тяжелое так, что колени задрожали. Я, как мог, сильнее вцепился в перила.

Винченцо уверенно, подобно армии-победителю, вступающей на захваченную территорию, направился в кабинет, за ним на сколько позволял рост широкой походкой следовал архитектор.

Какое-то время я стоял неподвижно, прислушиваясь к голосам, доносившимся из комнаты, где еще недавно любил находиться я. При каждом произносимом предложении по "исправлению" кабинета мое сердце болезненно вздрагивало и замирало, и с каждым, произнесенным этим маленьким человеком словом, я начинал все больше его ненавидеть. Брата же это, казалось, забавляло. Он нарочито громко продолжал терзать меня вопросами, адресованными архитектору:

– А что вы предложите сделать с этим или тем предметом

или стеной?

С невозможностью вытерпеть подобное, я вернулся к себе в комнату, которую пока еще мог занимать, и не покидал ее до тех пор, пока брат не ушел. Последовавшие полтора часа, после того как брат с архитектором прошли в кабинет, стали для меня пыткой. Я слышал шаги, уверенно мерявшие дом, громкие голоса за стеной, и меня мучали дурные предчувствия. В какой-то момент доносившиеся звуки стали громче и отчетливей. Я понял, что Винченцо привел архитектора наверх, и сейчас они стояли прямо у двери в мою комнату.

– Что вы планируете сделать там? – поинтересовался синьор Гирландайо.

Мое сердце пропустило удар. Я инстинктивно замер, прислушиваясь.

– Там погода, когда подрастет, будет жить один из моих сыновей, но о ней чуть позже. Человек, который сейчас ее занимает, скоро покинет нас, вот тогда и займемся ей, – ответил брат, намерено скрывая наше родство и подчеркивая нежелание видеть меня в теперь уже только его доме.

Мне стало не по себе. Я понимал, что Винченцо умышленно остановился у моей двери и говорил так четко, что бы я точно смог расслышать каждое слово и понять, что речь идет обо мне и моей комнате. Пульс с бешеной скоростью возобновил свой такт, болезненно отдаваясь в голове. Мне было страшно осознавать его намерения относительно меня, но вместе с тем, пришли раздражение и обида. Мне захоте-

лось ответить ему тем же и остаться в доме насколько это будет возможно, по крайней мере, до конца ремонта. Ведь не выгонит же он меня насильно? По крайней мере, мне хотелось в это верить. Была и другая причина, я был не в состоянии расстаться с домом, да и не знал куда идти, что дальше делать, я все никак не мог примириться со своим положением и начать жить дальше. Мне было страшно и неуютно, но там, за родными стенами было еще страшнее. Я, подобно улитке, настолько врос в этот дом, что, казалось, сами его стены стали частью меня, моей кожей, а все что наполняло его изнутри – наполняло меня.

Наконец, мучительный осмотр закончился, и брат оставил дом в покое. Я наблюдал из окна, как он обсуждает что-то с Гирландайо во внутреннем дворе. Однако, не смотря на странную живость Винченцо в моем присутствии, сейчас он не выглядел довольным. Сдавалось мне, что и ему подобное обсуждение не доставляло удовольствия, а непрерывное жужжание архитектора время от времени проявляло на лице брата признаки раздражения.

Через несколько дней, я уверился в этом. Мой сводный брат оставил сцену казни родных стен для моих глаз, так больше и не появлявшись. Мне одному предстояло пережить еще одну утрату, после смерти отца, – похороны воспоминаний, запечатленных в вещах, наполняющих этот дом.

После появления Винченцо с архитектором, я несколько дней блуждал по комнатам, пытаюсь сберечь в памяти дом,

каким он был. Каждый уголок его был родным, каждая трещинка знакомой, а запах, витающий в воздухе, всегда наполнял мое сердце спокойствием и умиротворением. Только сейчас умиротворения не было. Воздух прорезало чувство неминуемой потери. По крайней мере, таким я видел его будущее.

Дом был не новым и располагался в самом старом районе города. Здесь жили древние уважаемые семейства, с богатой родословной и огромными состояниями. Дом семьи Моретти – семьи первой супруги отца – к слову, находился всего в трех домах от нашего, на улице, пересекающей улицу Роз перпендикулярно.

Улица Роз, на которой стоял дом, была узкой и вымощенной булыжниками, с затертыми от времени и присыпанными бурой пылью, от чего при движении под ногами поднимались пыльные облака. Обычно здесь было тихо и малоллюдно и улица, словно дремала в знойной неге и приятной тени деревьев. Из пышных садов, скрывающихся за массивными каменными заборами, поросшими плющом и идущими вдоль всей ее длины, над улицей нависали гроздья винограда и оливы, ветви акаций и колючие лапы розовых кустов, увитых огромными пунцовыми цветами. Казалось, стены не в состоянии сдержать красочного буйства спрятанной за ними природы и вот-вот лопнут, давая свободу зеленой реке.

Наш сад не отличался от остальных. Изобилие растений, деревьев, разнообразных кустов, кустарников, всяче-

ских культур и трав заполняло все его пространство. Тысячи роз, разбавленные пряными нотками лавровых листьев и сладким запахом цветов акации, наполняли благоуханным дыханием его тенистые уголки и затопленные солнечным зноем лужайки. Плутающие дорожки, выложенные камнем, сквозь который пробивалась трава, переплетаясь, блуждали по саду. В глубине же его, застенчиво прикрываясь ветвями длинноволосой ивы, свесившей свои ветви до самой земли, пряталась белокаменная куполообразная беседка. Неподалеку журчал ручеек, впадающий в искусственно сотворенный небольшой круглый пруд, по берегу поросший вереском и камышом. Здесь, укрывшись в ночной тишине и прохладе под бездонным сверкающим мириадами звезд бархатно-черным небом, мы вели затяжные беседы с отцом. Здесь он рассказывал мне о своих путешествиях и делился самыми сокровенными и волнующими его мыслями. И если сердцем дома я считал кабинет отца, то в этом месте, несомненно, витала его душа.

Этот пруд отец велел выкопать и преподнес вместе с беседкой в качестве подарка моей матери в год, когда назвал ее своей женой. Круглое небольшое зеркало воды, увенчанное беседкой, своего рода, напоминали кольцо, которое дарят невесте, как символ любви и верности. Здесь родители признавались в любви друг другу, давали клятвы и обещания, здесь была запечатлена их вечная любовь. Здесь навсегда останется и часть моего сердца. Как больно было осозна-

вать, что я вскоре этого не увижу.

Я нежно прикоснулся к охлажденной ночным воздухом колонне. Больше всего я любил бывать здесь после заката, когда небо озаряла луна, и весь дом и все вокруг погружалось в глубокий спокойный сон. Серебристая гладь воды, едва ерошимая легким ветерком, отражала игривые блики на колоннах, перилах и куполе этого места. В эти моменты оно казалось мне таким романтическим.

Мое сердце забилося быстрее: "Какова вероятность того, что мой брат пощадит это место? Вдруг он удовлетворится домом, а сад не тронет?"

То, что это место было создано для моей мамы родители скрывали, и знали об этом всего несколько человек. Винченцо не входил в их число. То есть, он знал, что родители любят здесь проводить время, но не то, что это подарок моей матери. По крайней мере, я так думал, надеялся на это, иначе бы он начал не с кабинета, а отсюда.

Я крепко вцепился в колонну, обвив ее руками: "Нельзя допустить! Я не смогу пережить этого! Пусть я покину дом, пусть уйду, но как смогу жить с мыслью о том, что у любви моих родителей нет могилы? У всего есть могила! Я не допущу! Он не должен узнать!" – мысленно я поклялся, что сделаю все, но сохраню это место, хоть и не был уверен в том, что удастся сдержать обещание, однако не попытаться я не мог.

С тяжестью в сердце, но решительностью в душе я лег в

ту ночь спать, а утром продолжил прощание с домом. В саду старался больше не выходить.

Меня подогревала мысль: "Если Винченцо будет думать, что мне дорог только дом, есть шанс, что он не тронет сад."

Упросить его оставить все, как есть, я даже не надеялся.

Словно читая молитву в ожидании утраты, я бродил по дому, мысленно готовясь к расставанию с родным гнездом. Каждое прикосновение к нему пробуждало во мне теплые и грустные одновременно воспоминания о людях, о событиях, о пережитом в его стенах. Покинуть дом было сродни прыжку с высокого дерева, когда матери-птицы учат своих птенцов летать, только вот не мамыны ласковые руки заставляли меня прыгнуть, а залезший поживиться оставленными без присмотра яйцами хорек. Наверно, к такому просто невозможно подготовиться. Так и я не мог расстаться со знакомыми с детства стенами.

Дом представлял собой прямоугольное трехуровневое здание, построенное в античном стиле начала XV века с полукруглыми арками и ордерами, отделанное светлым камнем, с замкнутым квадратным внутренним двором и черепичной крышей с небольшим уклоном и сильно выдающимся вперед карнизом. Окна первого этажа прикрывали решетки, так как дом хранил в себе множество дорогих и старинных вещей. Изнутри же он был довольно прост. Прямоугольные комнаты, идущие цепочкой вдоль основного фасада, на нижнем уровне имели более высокие потолки, нежели

на верхних этажах. Нижние помещения и комнаты перекрывались сомкнутыми, напоминающими монастырские, сводами, которые в столовой, гостиной, а также парадной зале, предназначенной для больших приемов, украшали росписи и орнамент из гипса. Высокие стены покрывали дубовые филленчатые панели, а в парадной зале и столовой фрески с мотивами виноградной лозы. В гостиной на стенах было развешено множество картин с изображением предков Алигьери, а также имелся огромный гербовый гобелен с орнаментальным обрамлением.

На втором и третьем этажах, а так же в кабинете отца, потолки были деревянные подшивные, а все двери украшали наличники с треугольными фронтонами.

Полы были отделаны плиткой с геометрическим повторяющимся орнаментальным рисунком, по большей части с простой шахматной разбивкой.

Во всех комнатах и зале уютно расположились каминные с шатровыми увенчаниями. В спальнях имелось много драпировок из синего или зеленого бархата, усеянного золотыми или серебряными линиями, и по несколько сундуков на ножках в виде львиных лап.

Большая часть мебели, в основном из тёмного ореха, размещалась у стен. Лишь кровати в спальнях с легкими балдахинами на тонких резных стойках с задергивающимися занавесками, и стол в столовой были расположены посреди.

В доме имелось бесчисленное количество медных све-

тильников и подсвечников, а на подоконниках заняло свое место множество фаянсовых ваз, в которых были высажены разнообразные растения, создавая впечатление словно природа шагнула в дом.

После того, как Винченцо с архитектором покинули дом, наступило затишье, не предвещающее ничего хорошего, так бывает перед штормом. С каждым днем проведенным в родном доме мне становилось все страшнее. Спустя неделю я настолько устал от ожидания худшего, что даже стал желать скорейшего наступления неизбежного. Я устал бояться, устал в отчаянии просиживать в отцовское кресле в его кабинете. Мне хотелось, что бы все началось скорее и так же быстро закончилось. Может быть тогда, я наконец смогу принять реальность такой какой она есть и смогу понять, как жить дальше.

Спустя еще неделю ничего не изменилось, жизнь в доме текла своим обычным чередом, ко мне потихоньку начало возвращаться спокойствие, усыпляя мои чувства и бдительность. Я начал думать, что возможно ничего и не изменится вовсе. И как только я начал забывать о грядущем – это было спустя три недели после ухода брата, я сидел в кабинете, завтракал как обычно, в моей голове начала потихоньку поселяться мысль о том, что возможно Винченцо передумал переселяться в этот дом и самая глупая надежда, что он решил оставить дом мне – объявился архитектор. Он вновь ворвался в размеренную жизнь дома так внезапно и стремительно,

как неожиданно налетает ураган на спящий морской берег.

Мой слух вдруг уловил громкий шум, наполненный цокотом копыт, чьей-то многочисленной тяжелой поступью и неизвестными голосами. В какой-то момент я смог различить самый громогласный из них.

– Сюда! Давайте сюда! Аккуратнее, это очень дорогая древесина! – восклицал Гирландайо.

Мое сердце вздрогнуло, аппетит стремительно улетучился. Я опустил ложку на тарелку, так и не донеся ее до рта и поспешил во двор, откуда доносился шум.

В момент, когда я вышел на крыльцо, шествие во главе с архитектором уже вкатывалось во внутренний двор. Множество повозок, нагруженных деревом, мрамором, гипсом и другими материалами. Десятки рабочих, потных и в затащенных робах вносили гигантские балки, не вмещающиеся в повозки, на плечах.

– Что здесь происходит?! – неуверенно вскрикнул я, сбегав по ступенькам к процессии.

– По распоряжению синьора Алигьери сегодня мы начинаем работы, – деловито пояснил архитектор – Но я не разрешал, – растерянно возразил я.

– По распоряжению Винченцо-Карло Алигьери, – холодно поправился тот, и громогласно добавил, – хозяина столь благородно доверенной мне собственности! С его позволения я имею право вносить в данное помещение и его окрестности любые исправления.

– Но вы не можете... Я не хочу... – побелев задохнулся я.

– Прошу прощения, синьор, но ваши желания не учитываются, – понизив тон, сухо процедил Гирлондайо. – Я преследую цель доставить удовольствие лишь господину Винченцо.

– Так нельзя! – с трясущимися руками и пересохшим горлом пытался сопротивляться я.

Похоже архитектор начал терять терпение, так как следующие его слова повергли меня в оцепенение.

– Синьор Алигьери предупреждал, что вы можете чинить препятствия, – надменно произнес архитектор. – На этот случай он велел передать вам, что если вы намерены оказывать сопротивление моим действиям и его воле, то ваше пребывание в этом доме может значительно сократиться!

Воздух стремительно покинул мои легкие, словно я получил удар под ребра, по спине пронеслась стая холодных мурашек.

В этот момент архитектор достал из-за пазухи своей дорожной куртки свиток, развернул его и выставил перед моим лицом.

– Вот бумага, дающая разрешение на мои действия. А теперь позвольте пройти!

И не дожидаясь разрешения, он самодовольно обогнул меня и направился к дверям. Я так и стоял недвижимо.

Следующие несколько недель стали невыносимыми для меня. Я смотрел, как вместе со стенами рушиться моя жизнь и ничего не мог поделать. Каждый раз, когда в отчаянии я

кидался к Гирландайо в надежде сохранить ту или иную родную вещь, тот стремительно, словно нож, вытаскивал из-за пазухи свиток с разрешением брата и произносил: "Я имею право!"

В такие моменты мне особенно сильно хотелось затолкать эту бумагу ему подальше в глотку и пинками спустить этого коротышку с крыльца дома.

Когда же мои попытки возразить архитектору стали особо ему докучать, я получил крохотную записку от брата с напоминанием о сокращении моего пребывания в его доме если я незамедлительно не прекращу докучать его доверенность лицу.

Я почувствовал себя загнанным в угол. Я жил в доме, к которому искренне был привязан душой и который уже больше никогда не будет моим. Мне хотелось бежать, но я не знал куда. Мне было страшно от ощущения, что в любой момент меня могут выгнать отсюда, из родного гнезда, из моей крепости, которая столько лет оберегала меня и дарила чувство защищенности. А теперь я вынужден созерцать, как она рушится и ничего не мог сделать, выбора не оставалось. К тому же во мне поселилось чувство стыда, даже перед прислугой, у которой так естественно было раньше попросить бокал вина. Я вдруг почувствовал себя нищим, голым, как мышь, застрявшая в мышеловке в ожидании своей участи.

В отчаянии я спрятался в свою комнату и не покидал ее до окончания работ. Прислуга с жалостью в глазах и извини-

тельными интонациями в голосе приносила мне еду и питье, затем быстро удалялась. Я понимал их, они смотрели на меня как на умирающего и понимали, что власть в доме сменилась и им придется ее принять, так как иного выбора у них тоже не было.

Дни тянулись стремительно быстро. Доносившиеся из-за двери звуки становились все тише, или я просто старался их не замечать. Целыми днями лежа на кровати я тупо смотрел в одну точку. Мыслей не было, чувств тоже не осталось.

В какой-то момент в комнату зашел управляющий и виновато произнес, что Винченцо приедет во вторник. Эти слова несколько меня не взбудоражили и не затронули ни единой струнки души, я как лежал, глядя в потолок, так и лежал. Не дождавшись ответа, управляющий покинул комнату, я даже не заметил хлопнувшей двери.

Совсем скоро наступил день приезда Винченцо. К тому времени, как мне пришлось выйти из своего забытья, тело успело ослабеть, а конечности одеревенели, так долго я лежал на кровати. Когда же я от нее оторвался, то почувствовал горький вкус подступающей тошноты и сильное головокружение. Словно тяжело больной – наверно, так оно и было – я встал, заставил себя умыться и кое как привести в порядок. Бледное лицо и впавшие глаза отражали состояние моего тела с лихвой, в душе же таилось безразличие, словно ничего в жизни больше не способно было меня удивить или порадовать.

В таком состоянии я покинул свою, нет уже не принадлежащую мне, комнату, спустившись в гостиную в ожидании брата и его семьи. Сперва я даже не заметил, что окружающая меня обстановка изменилась, но постепенно до моего сознания сквозь туманную оболочку забвения, в которое я себя погрузил, начали прорываться образы внешнего мира. Сквозь дымку в голове я начал понимать, что вокруг меня другие стены, другие вещи. Все вокруг изменилось, стало чужим, не родным. Уют и удобство сменила холодная роскошь. В центре гостиной среди портретов предков Алигьери на самом видном месте величественно разместился портрет матери Винченцо, который ранее я рассматривал в подвале. В изысканной, но немного тяжеловесной золоченой раме она холодно взирала на окружающий ее интерьер.

Несмелой походкой, не зная позволено ли, я прошел к софе и занял место на краю. Но софа оказалась на удивление не приветливой и твердой. К тому же угнетал надменный взгляд холодных глаз Кармеллы Моретти, говоря мне, что я лишний в этом доме. Тогда я пересел в кресло на другом конце комнаты так, что бы не видеть изображение упрекающей меня матери Винченцо, бут-то она была жива. Но и кресло приняло меня в свои объятия ни чуть не лучше софы. Весь этот интерьер отталкивал и был неудобен. И хоть вокруг стояло множество изысканных вещей, уюта не было, радушие не витало как прежде в этом доме, оно испарилось. Вокруг была лишь холодная роскошь. От гостеприимства отца и теплоты

матери, наполнявших этот дом при их жизни, ни осталось и следа.

Не известно сколько времени я провел в этой гостиной, стесняясь попросить у прислуги даже бокал разбавленного вина. За окнами медленно стали подползать сумерки, а из кухни мой нос улавливал аппетитный аромат пищи. Только в этот момент я понял, как голоден, но не знал как быть. Позволят ли мне присутствовать за столом, или лучше будет украдкой, подобно серой мышке, тихо поесть у себя. Учитывая отношение брата ко мне, это будет разумно.

Мои мысли прервал цокот копыт и скрип, въезжавшей в ворота кареты. Внутри все похолодало, от забвения и безразличия, не покидавших меня в последнее время, не осталось ничего. Все тело инстинктивно напряглось и подалось вперед так, что я едва не соскользнул с кресла, которое еще занимал. Неприятное волнение пробежало по телу холодной волной.

Вскоре в дверях дома послышался топот ног и шелест платья. Семья брата вступала в свои владения. Еще через несколько минут в проеме гостиной возник безразличный силуэт Винченцо, за ним показались два его сына – один был старше на два – три года и немного выше второго, точные копии их отца, когда тот был в их возрасте. Процессию завершала маленькая, едва доходившая до плеча брата, худосочная с четкими и резковатыми чертами женщина. Шурша тяжелым парчовым подолом своего длинного платья, она гор-

до всплыла в комнату и я невольно отметил в ней сходство с матерью Винченцо.

– Ах, дорогой! – восхищалась она, оценивая озираясь вокруг, – Я так рада, что ты доверился синьору Гирлондайо! Посмотри, какую красоту он создал в этом обветшалом месте, как все изысканно сочетается!

Я ощутил невольную неприязнь к этой женщине.

– Да, славно поработал, – бесцветно согласился брат.

– Нет, ты только взгляни, как кстати здесь пришелся портрет твоей матушки! Наконец она вновь заняла достойное подobaющее ей место в этом доме! – увещевала она.

Наконец, ее взгляд выхватил из интерьера мою фигуру. Восторг слинял с ее лица, а губы превратились в тонкую голосочку.

Брат, следуя направлению ее взгляда, тоже обратил внимание на меня.

– А как ты находишь все это? – без предисловий обратился он, глядя на меня.

Я не понял, обращается ли он ко мне или просто глядя в мою сторону к какому-то члену сопровождающего его семейства. На мгновение воцарилась неловкая тишина, но когда я все-таки решил, что обращался Винченцо ко мне, он ответил сам.

– Нет слов? Я с тобой согласен! – почему-то в его голосе было больше сарказма, чем удовлетворения от проделанной архитектором работой.

– Все просто замечательно! – с укором возразила его жена мне, словно я пытался доказать обратное, и тут же схватила своего мужа за запястье для поддержки. – Дорогой, мы так все устали, – наигранно промурлыкала она, можно было подумать будто это она переживала этот ремонт все его время, а не просто села в карету и проехала пару улиц, – дети хотят есть, распорядись накрывать в столовой.

В этот момент из ниоткуда появился управляющий и тут же доложил, что к ужину все готово.

– Вот и славно! – обрадовалась она.

– Я не хочу есть, я хочу посмотреть свою комнату, – наконец подал голос один из детей, тот что был старше.

– Потом, золотко! Мы обсудим вопрос твоей комнаты позже, – понизив голос и едва уловимо метнув взгляд в мою сторону, ласково произнесла жена Винченцо. Но я все же смог понять, чья комната предназначалась для этого мальчика. – Пойдемте, же есть, – бодро, но нетерпеливо произнесла она.

Винченцо не сказав ни слова направился в столовую, за ним следовала его семья. У арки в гостиную он остановился, пропуская семью вперед. Я стоял неподвижно, не зная позволено ли мне присоединиться к ним. Вопрос разрешил брат. Он посмотрел в мою сторону. Когда же его семья скрылась из виду, он все ещё посмотрел на меня, затем слегка кивнул мне, из чего я сделал вывод, что все же могу присоединиться к трапезе. Я неуверенно направился за Винченцо, быстро скрывшегося в коридоре, едва я сделал шаг.

Когда я вошел в столовую, все уже расселись. Винченцо, как и положено хозяину дома, расположился во главе стола, жена заняла место по его правую руку, дети – слева от него.

Я тут же заметил, как самодовольство испарилось с ее губ, снова превратив их в голосочку. Она с возмущением уставилась на меня.

Винченцо успокаивающе похлопал ее по костлявой маленькой ручке, говоря тем самым, что он не против. Она фыркнула в стол.

– Шарлотта, попробуй гуся! Мне он кажется съедобным, – предложил ей муж.

Тогда я осознал, что не знаком с его семьей, даже имен не знаю.

Пока Шарлотта приглядывалась к стоящему по среди стола гусю обрамленному горохом, бобами, репой и зеленью, Винченцо жестом предложил мне сесть.

Как только я сел на противоположном ближнем ко мне конце длинного темно-орехового стола, Шарлотта стремительно смерила меня уничижающим взглядом, бут-то я совершил непростительно дерзость, и так же быстро отвернулась к мужу.

Пытаясь подавить в себе чувство неловкости и обиды, я невольно стал разглядывать окружающий интерьер столовой. От мотивов виноградной лозы на стенах, наполнявших ее еще недавно, ничего не осталось. Вместо этого стены покрывали фрески с отраженной на них сценой охоты

полуобнаженных атлетичных мужчин, больше напоминающих древнеримских богов, на мифических животных. Вокруг них широко расправив крылья разлеталось множество фантастических птиц, кое где имелись увеличенные изображения небрежно разбросанных фруктов и листьев. С высокого куполообразного потолка низко свисала массивная кованная люстра с множеством свечей. Ее кругом поддерживали светильники в том же стиле. Атмосфера столовой приобрела величественную помпезность, не располагающую к семейному радушию и душевным беседам. Есть в ней уж точно не хотелось.

Пока я рассматривал окружение, служанка уже разносила еду и разливала вино по бокалам.

Ели мы в напряженной тишине. По крайней мере мне так казалось. Мне было неуютно находиться в обществе брата и его семьи. Я ел мало, украдкой и сам себе напоминал мыш, грызущую украденную горбушку в углу, поэтому вкуса пищи практически не чувствовал. Уверен, повар постарался на славу и трапеза была отменной, но из-за волнения мне казалось, что я жую что-то по вкусу схожее с подошвой.

Едва подали десерт из вымоченных в вине яблок, покрытых кисло-сладким соусом и украшенных ягодами, я решил сослаться на плохое самочувствие и поскорее скрыться у себя в комнате. Однако, не успел я ничего сказать, Шарлотта снова обратила на меня свой взгляд. На ее лице отразилась добродушная улыбка, но в глазах читалось что-то недоброе.

– Синьор Левино, – ласково обратилась она ко мне, – разрешите мне обращаться к вам так, мы ведь с вами теперь состоим в родстве?

– К... конечно. – От неожиданной перемены в ее отношении ко мне, я поперхнулся кусочком яблока.

– Левино, я слышала вы скоро нас покинете. Когда планируете отправиться в путешествие? – невинным тоном произнесла она, однако мне показалось, этот вопрос мучил ее весь вечер.

Разумеется под словом "путешествие" она подразумевала мое изгнание из этого дома. Но все же на краткий миг я обманулся в ней.

– Я еще не думал, – виновато ответил я.

Она быстро перевела взгляд на мужа. Тот пристально смотрел на меня, в глазах его играли блики свечей. Я не мог понять, что он думает.

– Что ж, – снова отразив на своем лице добродушную улыбку, фыркнула она, – у вас еще будет время определиться. Но вы знаете, дорогой Левино, – слышать подобное из ее уст было дико, – мне кажется, что человеку, всю жизнь прожившем в этом скучном месте, просто должно не терпеться его покинуть.

– Отнюдь, – не согласился я, эта женщина начинала меня все больше раздражать.

– И все же, это так увлекательно бросить все и отправиться куда-нибудь.

– Вы хотите сказать, что давно не путешествовали? – подавив желание съязвить, спокойно парировал я.

– Что? Я? – возмутилась она. – Место женщины в доме, – твердо пояснила она. – Муж, дети, дом – вот главное в жизни праведной супруги. Поддерживать положение мужа в обществе, защищать и оберегать его интересы – ее цель.

Теперь мне стало ясно, чего она добивалась. Своим присутствием в этом доме, я отбрасывал, хоть и жалкую, но все же тень на репутацию ее супруга, словно пятнышко грязи на белоснежной сорочке.

– Прошу прощения, я не очень хорошо себя чувствую, – извинился я, в надежде откланяться.

На лице Шарлотты отразился ужас, бут-то я заявил, что болею оспой. Она кинула обеспокоенный взгляд на детей.

– Если вы заболели, зачем же согласились составить нам компанию? – негодуя возмутилась она.

– Нет, нет, я просто устал. Почти не спал ночью и... я лучше вас оставлю, – промямлил я, уставившись на брата, хранившего молчание все это время.

Тот кивнул в знак согласия. Я все еще не мог понять его чувств. На лице играла едва заметная полуулыбка – полу ухмылка, которую можно было трактовать как угодно. Я прочитал в ней самодовольство, словно эта ситуация его забавляла. Однако, когда он кивал, в его глазах промелькнуло нечто, похожее на жалость, затем он отвел глаза в сторону.

Я поднялся наверх в комнату, ощущая себя оплеванным,

уязвленным, разделся и лег в кровать. Почему-то она больше не казалась мне уютной. Одеяло непрестанно сползало, а на перине постоянно что-то мешало и я без конца ворочался, раздражаясь все больше. Меня все время терзали разные чувства, мысли бесчисленным роем жалили мой мозг. Было глубоко за полночь, когда я спрыгнул с кровати, пытаюсь стряхнуть с себя раздражение. Пытаюсь вымотать свое тело я ходил по комнате по кругу пока ноги не начали ныть и от усталости я не свалился в кресло у окна. Вид за окном завораживал, но как я не старался, успокоиться не мог. Уснуть удалось только к утру, когда предрассветная дымка накрыла сад. Можно сказать я не уснул, а скорее впал в бессознательное состояние от бессилия.

Следующие несколько дней прошли не лучшим образом. Я мало ел и меня терзала бессонница. Жизнь так же осложняла жена Винченцо. На следующий день после злосчастного ужина она пришла в комнату ко мне проведать. На самом же деле, едва ее нога переступила порог, Шарлотта скорчила лицо, словно лизнула лимон и предложила, точнее активно настаивала, сделать ремонт и здесь, что влекло незамедлительный мой переезд в другое место. При последующих наших столкновениях в доме она не отказывала себе в замечаниях по поводу моего болезненного вида и состояния с последующими пожеланиями отправиться подлечиться в другой город.

Брат не возражал ей, я вообще его практически не видел,

только за ужином, остальное время он проводил в судовой компании, завещанной отцом.

Но и ужины становились для меня все большей пыткой, кусок не лез в горло, хотя стол ломился от разных яств. Не удивительно, что спустя пару недель я заболел. Правда это не усмирило нрав жены Винченцо. Для меня вызвали врача, которому она не затруднилась пожаловаться, как ей тяжело живется в бесконечных заботах о муже, детях, а тут еще я. После этого, я не видел её полторы недели. Прислуга приносила мне еду и лекарства, иногда перекидываясь со мной парой фраз, полных сочувствия и жалости, затем я снова оставался один.

Наконец, в отсутствии бесчисленных упреков и укоризненных взглядов членов семьи Винченцо, я пошел на поправку, когда же мне стало настолько лучше, что я смог выходить из комнаты, брат пригласил меня в кабинет, еще недавно считающийся отцовским.

Я боялся того, что он мог мне сказать, но глубоко в душе жаждал его, так как он был способен положить конец моим мучениям.

Время было вечернее, сумерки уже накрыли дом и его окрестности. Я спустился вниз, собираясь в очередной раз поужинать с семьей брата, и уже направлялся к столовой, когда меня окликнул знакомый голос.

– Кхм! – брат стоял в дверях кабинета, опиравшись о косяк и скрестив руки на груди. По лицу его было сложно что-

либо прочитать. – Зайди в кабинет, нужно поговорить, – беспрекословно обратился он, как только я его заметил.

– Л-ладно, – тихо согласился я, но Винченцо уже зашел в кабинет. Я послушно направился за ним.

В кабинете было темно, лишь пару свечей на столе разбавляло полумрак. Приглядевшись я смог различить зеленую тональность стен, покрытых явно дорогой в крупную полоску с золотыми и серебряными нитями тканью. На них отбрасывая угрожающие тени висело несколько кованых светильников с огарками свечей. Шкафы изменились, стали более утонченными, а у массивного стола расположилось хозяйское кресло с высокой спинкой, напротив которого по другую сторону стола было кресло со спинкой пониже. Винченцо жестом указал мне занять его.

Я занял кресло, тут же почувствовав повисшее в воздухе напряжение, к тому же кресло сжимало меня как тиски, было неудобно и постоянно хотелось встать.

– Итак, – начал Винченцо, – я хотел с тобой поговорить о твоём дальнейшем положении в доме. Я и вся моя семья гостеприимно приняли твоё решение задержаться в этом доме.

"Иначе и не скажешь, как "гостеприимно" – подумал я, но решил промолчать.

– И думаю, что мы соблюли все рамки приличия. – Он многозначительно уставился на меня. Я молчал, внимательно смотря ему в глаза. – Иными словами, твоё пребывание в моём доме более не желательно.

Я молчал и на лице брата понемногу начало проявляться раздражение: – Выразусь яснее, через три дня ты должен будешь покинуть этот дом... – я оцепенел. – ... навсегда. – и более мягким тоном добавил, – Я великодушно разрешу тебе отправиться с одним из моих судов куда скажешь.

Последняя фраза вернула меня в чувства.

– Кажется речь шла о том, что бы покинуть дом, а не город, – холодно заметил я.

– Три дня, – твердо повторил брат, приблизив ко мне лицо и жестко глядя мне в глаза. Затем Винченцо стремительно покинул кабинет.

Я так и остался сидеть в неудобном кресле, бессознательно водя пальцем по дереву столешницы. И вдруг заметил, что стол не изменился. Это был стол отца. Та же теплая твердь тёмного дерева, надежная и нерушимая, как вечность. В одно мгновение, мне стало легче. Я не мог знать причины, побудившей брата при всей его неприязни к отцу, сохранить стол, но от осознания того, что память о нем останется в этом доме и после моего ухода, стало теплее на душе.

На ужин я не явился, не смог вновь вытерпеть эти взгляды. Вместо этого я отправился прогуляться. Не хватало воздуха, грудь сдавила тяжесть решения, которое мне предстояло принять.

Я вышел в сад. Родные уголки, быстро накрываемые одеялом ночи, напоенные ароматами, знакомыми с детства, ласково смотрели на меня. По одаль из-за деревьев проглядыва-

лась блестящая гладь маминого озера и белоснежная каменная беседка. Я с радостью заметил, что ничего не изменилось, или еще не успело поменяться. Они манили меня, обещая покой, приглашая вновь пуститься в плавание по счастливым воспоминаниям. Однако, сейчас нельзя было предаваться воспоминаниям, нужно было подумать и принять решение. Поэтому, бросив любовный взгляд на мирно спавшее вокруг окружение, я отправился к воротам, а затем вышел на опустевшую улицу.

Наверно, одиноко блуждать по улице в такое время было безрассудно, но в тот момент я об этом не думал. Я просто шел вперед по улицам, вдыхая охлажденный ночью морской воздух. Я шел, разглядывая засыпавшие дома, мимо раскинувших свои лиственные лапы садов, по неровным, выложенным камнем мостовым, мимо городской ратуши, темных магазинчиков, мимо подвыпивших моряков или одиноко спешащих домой граждан. Я завидовал им, мне казалось у них есть цель, к которой они движутся, кто по делам, кто на корабль, таверну... дом. У меня же через три дня не будет дома, и цели нет.

С этим я присел на край фонтана у городской ратуши. Струи воды за спиной весело плескались, и я вновь подумал, что даже они куда-то текут, в отличии от меня. Я думал, что у всех вокруг есть определенность в жизни, меня же пугала грядущая безызвестность. Я склонился к коленям, вонзив пальцы в волосы. Мысли не приходили, я не знал, что мне

делать дальше. Отец оставил мне деньги и судно, но куда я мог уплыть, я не знал, куда мог отправиться, ведь меня никто нигде не ждет, никому не нужен, да и команды не было. Так я и сидел на краю фонтана не известно сколько. Должно быть я задремал, так как из забытья меня вывели толчки. Я поднял голову с колен. Оказалось за плечо, пытаюсь разбудить, меня теребил Паскаль Ломбарди. Его встревоженное лицо зависло над моей головой.

– Левино, что вы здесь делаете в такое время! Вы что спите на улице? – обеспокоенно поинтересовался он.

– Я? Я вышел прогуляться... нужно было поразмыслить... должно быть не заметил, как задремал, – бессвязно запинаясь попытался оправдаться я.

Но Ломбарди было не обмануть, он недоверчиво нахмурился.

– Вы разве не знаете, что спать на улице не безопасно? В лучшем случае вас могли принять за бродягу, в худшем же ограбить или еще чего хуже, – укорил он.

Вероятно я выглядел через чур растерянным, что тон его тут же сменился.

– Пойдете со мной! Негоже спать вот так, на улице, – с теплотой, но настоятельно сказал он.

Не зная как быть, я решил не возражать и пойти с ним.

– Синьор Ломбарди, но почему вы на улице в такое время? – спустя какое-то время по дороге, не зная куда, поинтересовался я.

– Судья Сонье при смерти, срочно потребовал внести правки в завещание, – поделился тот.

– При смерти? Но как, еще месяца два назад я видел его здоровым и бодрым! – удивился я.

– Никто не вечен, – с едва уловимой горечью в голосе сказал он, одарив меня взглядом, полным понимания.

Я лишь грустно кивнул, поняв, что он имеет в виду моего отца.

– Мне всегда казалось, что Гораций, – отца звали Меркуцио-Гораций, но синьор Ломбарди всегда называл его Гораций, – ушел слишком рано.

Я молчал.

– Ну что ж поделаешь? Жизнь так устроена, – он грустно улыбнулся мне.

Мне не очень хотелось продолжать эту тему, поэтому я спросил.

– Синьор Ломбарди, куда мы идём? – В потемках было сложно что-либо разобрать, все дома казались одинаково похожими черными пятнами на фоне бархатного сине-черного неба, а ночью я крайне редко ходил пешком по улицам.

– Ко мне домой, – радостно сказал нотариус. – Ты ведь не откажешься поужинать со мной? Насколько я понимаю, сегодня ты не участвовал в вечерней трапезе? – он многозначительно скосил глаза на меня.

– Откуда вы знаете? – удивился я.

– Не нужно много ума, что бы понять, что после того, как

Винченцо обосновался в доме, тебе живется не сладко. Ты ведь ещё там живёшь? – Я кивнул. – Иначе бы как ты оказался сегодня на улице? Да и во время оглашения завещания моего покойного друга, он не проявлял особой почтительности ни к отцу, ни к тебе. Я прав?

– Да, – кивнул я. – Это правда. Сегодня он сказал, что через три дня я должен покинуть дом.

– Что ж, это даже к лучшему! – обрадовался он.

Меня поразила его реакция. Я полагал, что он возмутится такой несправедливости и будет осуждать Винченцо. Но спросить, почему, я не успел.

– Мы уже пришли! – заявил нотариус, жестом указывая на знакомые, едва различимые в темноте, очертания калитки, за которой черной горой возвышался двухэтажный дом.

Света в доме не было, должно быть его обитатели уже видели седьмой сон. Однако, едва мы пересекли небольшой садик у дома, к нам на встречу из-за двери выплыла рука дворецкого с крепко зажатым фонарем в руке. Вслед за фонарем появился сморщенный дряхлый старичок, работавший в семье Ломбарди, сколько я знал Армандо.

– Господин, я уж забеспокоился, куда вы запропали. Сейчас распорядюсь подать вам ужин. Где прикажете накрыть, господин? – его голос был наполнен почтения и заботы.

– Накрой в столовой, Эдуард. Я сегодня ужинаю не один! – устало распорядился тот.

– О, Синьор Алигьери, как же давно вас не было в этом

доме?! – просиял дворецкий, разглядывая меня в свете фонаря. – Прошу простить меня, старый стал, сразу уж и не заметил вас. Вы истощали сильно! – заметил он.

Я улыбнулся в ответ.

– Ну ничего, сейчас я накрою на стол. Славный ужин любого приведет в порядок, – с этими словами он вернулся в дом, освещая нам дорогу.

После того, как мы наелись и за бокалом вина переместились в небольшой, но очень уютный кабинет Ломбарди, я, наконец, осмелился его спросить:

– Синьор Ломбарди, когда я сегодня упомянул о нежелании Винченцо видеть меня в доме отца и о том, что мне скоро предстоит его покинуть, вы не удивились и даже наоборот, я бы сказал, обрадовались. Почему?

Армандо устало вздохнул и потер одной рукой веко, затем поднял на меня глаза:

– Левино, ты мне как сын, неужели ты подумал, что я смог бы порадоваться твоим неудачам?

– Нет... – запнулся я, – но все же... ваша реакция показалась мне странной.

Тот посмотрел на меня изучающим взглядом и наконец, по отцовски улыбнувшись, похлопал меня по руке. Потом наклонился к столу и, порывшись в ящике, что-то достал. Он положил посреди письменного стола прямо передо мной кожаный мешочек, поменьше чем отдал мне перед смертью отец, но такой же, и какие-то документы.

Я вопросительно уставился на нотариуса.

– Я надеялся увидеть тебя до отъезда. Твой отец передал мне это на хранение не задолго до смерти, с просьбой отдать тебе, когда придет время. Он не хотел, что бы я отдавал это при Винченцо или еще кого-то, поэтому мне можно сказать, посчастливилось встретить тебя сегодня. Извини, что не смог исполнить просьбу раньше, все как-то навалилось разом. Я надеялся, что ты сам наведишь меня, ты же знаешь, как тебе здесь рады...

– Что это? – перебил его я.

– Это документы на судно, пришвартованное в Арфлюрере, также документы на счет в банке того же города, а в мешочке медальон твоей отца и кольцо матери, подаренное ей Горацием.

С легкой дрожью в руках, я потянулся к мешочку. Понадобилось некоторое время, что бы развязать кожаный шнурок, так как я нервничал, увидев эти вещи. Добравшись до содержимого, я вывалил его к себе на ладонь. В свете свечей вещи мерцали и поблескивали.

– Я и забыл о них, – у меня на глазах навернулись слезы, а к горлу подступил комок, но все же я разглядывал эти родные, более родные чем какие-нибудь другие в этом мире, вещи.

Кольцо было широкое с большим зеленым изумрудом в центре, напомнившим мне глаза матери, и украшенное по канту бриллиантами и рубинами. Медальон же в центре со-

держал огромный грубо обработанный алмаз с выгравированной на нем витиеватой буквой "Л", обрамленный широким и плоским золотым поясом на толстой длинной золотой цепочке.

– Гораций хотел, что бы этими вещами обладал ты. – Он указал на кольцо. – Он хотел, что бы и ты когда-нибудь испытал такое же счастье любить и быть любимым, как он. Он надеялся, что когда ты встретишь девушку, способную сделать тебя счастливым, ты подаришь ей это кольцо в знак вечной любви, как когда-то он подарил его Летиции. Надеюсь ты понимаешь, он знал, что оставаясь в родном доме, как в крепости ограждающем тебя от мира, ты никогда ее не найдешь, не узнаешь, что такое жить по-настоящему.

– Но он нашел, – сквозь подступивший ком в горле, попытался возразить я.

– Что ж ему повезло, – просто ответил нотариус, по отечески взирая на меня. – Такой вот парадокс, Гораций объехал полмира, что бы найти счастье дома. В твоем же случае, я думаю, все иначе.

Я с грустью посмотрел на медальон и блестящая капля-слеза упала на камень с буквой "Л". Я попытался незаметно стереть ее пальцем.

– Медальон же, носи как память о нем. – с теплотой сказал Армандо.

Я сидел с опущенной головой, глядя на вещи, которые знал с детства, так и не притронувшись к вину.

– Твой путь не здесь, Левино! Не стоит жить одними воспоминаниями! Твой отец хотел, что бы ты это знал, – тихо добавил нотариус, – Выпей вина, согревает! – неожиданно бодро добавил он.

Пересилив себя, я едва пригубил золотистую жидкость.

– Ну что ж, день был долгим и особой радости не принес. Я вижу ты совсем вымотался, тебе нужно отдохнуть! Я распорядился постелить тебе в гостевой, пойдем, ложись спать! – он по дружески похлопал меня по спине.

– Не стоит... – не уверенно попытался протестовать я, чувствуя неловкость.

– Ни каких возражений! Отказа не приму! Ты же не обидишь старика и заночуешь у нас? – он вопросительно поднял одну бровь, ожидая подтверждения от меня. – А утром подумаешь, как быть. Ладно?

Мне ничего не оставалось, кроме как согласиться.

– Вот и славненько! – хлопнул в ладоши Ломбарди.

Он проводил меня в гостевую. Только коснувшись подушки, я почувствовал всю тяжесть усталости, еще через мгновение я уснул.

Ночь быстро сменилась утром. Спал я, как убитый, но мне снились беспокойные сны, в которых Винченцо жестоко изгонял меня из дома, на его пальце мерцало кольцо матери. Я попытался его забрать, но он лишь оттолкнул меня и засмеялся. Вдруг Винченцо превратился в медальон отца, который раскачивался, как маятник из стороны в сторону. Потом

медальон превратился в маятник часов, и я услышал нарастающее тиканье часов. Затем вдруг раздался оглушительный звон часов, а за звоном прозвучали слова нотариуса: "Твой путь не здесь, Левино!" Следующий более сильный удар часов вырвал меня из объятий сна. Я резко сел в кровати и потер ладонями глаза.

За окном было уже очень светло. Часы на стене едва пробили одиннадцать. Увидев их я вдруг вспомнил увиденный сон. В тоже мгновение, я решил, что буду делать дальше. Хоть и не совсем, но я все же почувствовал, что готов сделать это.

Я спустился вниз, не ожидая застать все семейство в полном составе. Армандо Ломбарди, его жена Мэри-Луиза и двое их младших детей (старший сын нотариуса учился в университете в другом городе и еще не вернулся на каникулы) – Адриано и Мария – словно ожидали меня в гостиной, завтракая овсяной кашей и свежееиспеченными булочками, аромат которых в мгновение ока перенес меня в те счастливые времена, когда мама была жива. Я сразу же почувствовал себя спокойней.

– О боже, Левино, ты ли это?! – воскликнула Мэри Ломбарди, едва я появился в проеме гостиной.

Она встала, чуть не расплескав разбавленное водой вино на ковер, поставила бокал на ближайший столик и, подойдя на столько близко насколько позволяло домашнее платье,

расцеловала меня в обе щеки. Жена нотариуса всегда относилась ко мне по-доброму, с материнской, можно сказать, заботой.

– Ты так изменился! А как похудел и эта бледность! – сетовала она, не отрывая рук от моего лица, внимательно разглядывая его.

– Мэри, дорогая, – вмешался синьор Ломбарди, – дай же мальчику пройти. Он голоден и, наверняка, не отказался бы от вина с медом. Распорядись, прошу тебя, подать завтрак в мой кабинет. Перед уходом на работу, я хотел бы кое-что обсудить с Левино.

– Вечно ты, одни дела на уме! Мальчику нужно хорошо позавтракать! Посмотри на него! – укорила его жена, но послушно пошла на кухню, дать распоряжение прислуге.

– Я не хотел бы доставлять неудобств, – почувствовав неловкость, промямлил я. – Вина будет достаточно.

– Какие неудобства? Ты нам как сын! И речи быть не может! – в дверях твердо возразила Мэри.

Синьор Ломбарди одобрительно улыбнулся ей, потом, притворно нахмутив брови, добавил: – Не глупи, тебе нужно поесть хорошо.

– Хорошо. – Возражать было бесполезно. Такая забота мне льстила, я снова почувствовал себя, как дома.

Пока накрывали завтрак в кабинете синьора Ломбарди, я немного поиграл с его детьми. Они, как и родители тепло принимали меня, бут-то я был их дядюшкой. Со старшим же

мы виделись только, когда тот приезжал на каникулы, и то крайне мало, поэтому мне сложно было сказать, как он на самом деле ко мне относится. По крайней мере, не дружеским он мне не казался.

Наконец, завтрак для меня был готов, и мы с Армандо уединились в кабинете. Прежде чем перейти к сути, он учтиво дал мне спокойно поесть, разбавляя тишину беседой о погоде, домашних делах и прочем подобном.

Когда подали вино с булочками и фруктами он решил перейти к делу:

– Ты что-нибудь решил, Левино? Как поступишь дальше? Куда отправишься? – осторожно поинтересовался он.

– Спасибо, синьор Ломбарди...

– Просто Армандо. К чему эти "синьоры"? – поправил нотариус.

– Кхм, – прокашлялся я. – Армандо, спасибо, что приютили меня! – Я добродушно усмехнулся. – Они помогли мне прийти в чувства!

– Было бы, – отмахнулся тот. – Ты знаешь, мы тебе всегда рады! Так что ты надумал?

– Я решил уехать, – спокойно ответил я, странно открыв для себя, что больше не чувствую страха при мысли об этом. – Попутешествую какое-то время.

– Это славно, что ты решил принять свою судьбу, – обрадовался, но не восторженно, Армандо. – А куда отправишься? В Арфлорере сейчас должно быть прекрасно.

– Нет! – резче, чем следовало, возразил я синьору Ломбарди, тем самым его немного испугав. – Я готов уехать, но прошу, не требуйте от меня большего, – успокоившись пояснил я.

– Почему нет? – удивился он.

– Если честно, я пока не готов. Отправиться туда означало бы для меня признать смерть отца, попрощаться со всем, что поддерживало и защищало меня столько лет. Я пока не в состоянии принять это и смириться с тем... что я остался один...

Повисла пауза. Армандо изучающей с грустью смотрел на меня.

– Ну что ж, – наконец, прервал он молчание, – раз ты так хочешь, у меня есть для тебя вариант. Честно говоря, я сомневался, что ты захочешь сразу отправиться в Арфлюрер, поэтому собирался предложить тебе съездить в гости к моей кухне. Она живет в Трувиллине. Это маленький, но интересный городок. Отдохнешь, расслабишься. Я написал для тебя несколько рекомендательных писем. Там хорошо и сельский воздух поможет прийти в себя, к тому же заведешь новые знакомства!

– Спасибо! – обрадовался я, почувствовав, как с плеч свалилась тяжесть неопределенности.

– Когда планируешь отправиться? Я думал отправиться туда по делам примерно через пару месяцев. Можем поехать вместе, – предложил он.

Мне не хотелось ждать так долго, поэтому я сказал:

– Сегодня утром я проснулся и почувствовал, что готов уехать. Ждать больше не стоит. Если это не обидит вас, то я бы хотел отправиться в путь уже завтра...

– Завтра? – удивился тот.

– Да. А по дороге смогу все обдумать. Ну.. понимаете, мне нужно... побыть одному. – Я осторожно посмотрел на него из под бровей, хотел убедиться, что не расстроил его.

На его лице не было и тени обиды. Он по отечески смотрел мне в глаза.

– Понимаю, – с теплотой сказал Армандо и одобрительно похлопал меня по плечу. – Только прошу тебя, не покидай этот город не попрощавшись с нами. Мэри этого не переживает! – с улыбкой добавил он.

Он проводил меня до ворот, я пообещал перед отъездом зайти попрощаться. Затем поблагодарил его жену за радушие и теплоту, оказанные мне, немного поиграл с детьми и отправился домой.

Почему-то возвращаться в дом, теперь принадлежащий Винченцо, было тяжело. Я никогда не чувствовал такого волнения. Подойдя вплотную к воротам, я помедлил, бут-то не зная, впустят ли меня, затем, глубоко вздохнув, толкнул дверь. Та печально скрипнула и подалась вперед. Во дворе стояла тишина, никого из прислуги видно не было. Я быстро пересек двор и направился ко внутренней двери, ведущей в кухню, пытаюсь быть незамеченным. Однако именно это-

го делать и не следовало. Едва скользнув в кухонную дверь, моему взгляду предстало необычное зрелище – вся прислуга дома была собрана посреди комнаты в линейку, перед ними, словно маленький генерал, раздавая указания, стояла жена Винченцо Шарлотта.

Ее лицо сильно вытянулось, когда она заметила меня.

– Синьор Левино, где вы были? Мы так волновались! – тут же спросил управляющий.

Шарлотта смерила его уничижающим взглядом, говоря тем самым: "Вопросы здесь задаю я!" Но говорить ничего не стала, лишь вопросительно уставилась на меня.

– В доме Ломбарди, – пояснил я.

– Мы решили, что вы уже не вернетесь, – негодуя сказала Шарлотта.

– И поэтому не стали зря терять время? – парировал я.

Брови этой маленькой женщины возмущенно поползли вверх.

– Я не мог уйти не попрощавшись. – Не дав ей времени что-либо сказать, пересек кухню и скользнул в противоположную дверь, а затем через гостиную по лестнице в свою комнату. Шарлотта при этом проводила меня испепеляющим взглядом.

Винченцо в доме не было. Он, наверняка, находился в порту, где располагался офис компании отца. Увидеть его до вечера я не надеялся.

Оказавшись в комнате, я сел на кровать, оценивающе

оглядывая окружение и прикидывая, что стоит с собой взять. Возможно, стоило бы забрать с собой все на что устремлялись мои глаза, но разум подсказывал нецелесообразность этого решения. Как я смог бы все это унести? И сборы заняли бы гораздо больше времени, чем я планировал на это потратить, поэтому решил ограничиться лишь тем, что могло влезть в дорожную сумку, когда-то подаренную мне отцом и так ни разу не использованную.

К сожалению, вместимость ее оказалась не такой большой, сколько вбирал мой взор и с выбором самого необходимого оказалось весьма непросто.

Я смог взять с собой лишь несколько костюмов, пару книг, деньги, отданные мне перед смертью отцом и туалетные принадлежности. Кольцо матери я спрятал среди одежды, аккуратно завернув его в платок, а медальон отца повесил на шею и спрятал под одежду. С этим я покинул комнату. Затем спустился в гостиную и на краткий миг, дабы не вызывать подозрения надменной жены брата, зашел в кабинет и слегка, тем самым прощаясь, похлопал по столу отца. Я планировал все сделать как можно быстрее, что бы лишить себя возможно засомневаться в принятом мной решении. Вскоре я вернулся на кухню и, под застывшим выражением лица Шарлотты, низко поклонился все еще находящейся там прислуге, обнял напоследок управляющего и стремительно покинул дом. Перед тем, как навсегда покинуть родное гнездо, я еще раз прошелся по саду, дошел до беседки и крепко обняв ее колон-

ну, постоял так какое-то время, потом поцеловал ее белую прохладную твердь и отправился к воротам. По ту сторону, уже на улице, я еще раз посмотрел на приоткрытые ворота и стены забора, из-за которых протягивая мне свои руки, свисали ветви деревьев и кустарников.

– Сбегаешь? – вдруг услышал я за спиной.

От неожиданности я вздрогнул и повернувшись, увидел разочарованное лицо Винченцо.

– Нет, просто ухожу, – ответил я.

– Это больше похоже на побег, – в его голосе звучало недовольство смешанное с разочарованием.

– Ты же хотел, что бы я ушел? – я вопросительно уставился на него.

– Ушел, а не сбегал, – парировал тот.

– Ты планировал устроить прощальный вечер? В чем дело? – сострил я, но, видимо, этого говорить не стоило.

– Не в чем! – холодно ответил брат, негодуяще буравя меня взглядом.

– Что бы ты не думал, я надеялся тебя увидеть перед отъездом. Хотел зайти в компанию напоследок, – примирительно сказал я.

– Что ж, я сэкономил твое время, – холодно сказал Винченцо.

Всего на мгновение мне показалось, что между нами проявилось понимание и даже нечто с оттенком братских чувств, но момент был упущен, я сам его испортил. Хотя так

было даже лучше. Близости между нами никогда не было и теперь для этого было уже поздно.

– Тогда я пожалуй пойду, – тихо произнес я скорее себе, чем ему. Брат не ответил.

Я в последний раз взглянул на него, тот в свою очередь попытался скрыть оттенок печали обычной маской безразличия на своем лице, но я все же успел выхватить этот момент.

– Мне жаль, что братских чувств у нас с тобой не получилось. Надеюсь, у тебя все будет хорошо, – искренне пожелал ему я и направился по улице от ворот, стараясь не обернуться.

– Я тоже... надеюсь, – слышалось за спиной. Я подумал, что ослышался и когда все же обернулся, брата уже не было, за ним грустно скрипнула дверца ворот. Больше я его не видел.

Так закончилась моя прежняя жизнь.

Я как обещал, зашел попрощаться с семейством Ломбарди. Они уговорили меня остаться переночевать и это был действительно прекрасный вечер. Мы много смеялись и шутили, еда была чудесна, поэтому я должен был разом уснуть, но ни как не мог. Волнительное и одновременно страшное чувство не отпускало меня до рассвета. Под утро я все же уснул на час или два, а проснувшись почувствовал что больше не могу оставаться на одном месте, поэтому часов в пять я собрал вещи, попрощался с Армандо – его жена и дети спа-

ли- и отправился на постоялый двор договориться о карете, следующей в Нормандию.

Утро приветствовало меня зарождающимися на горизонте нежными лучами солнца. Легкий бриз ласково гладил мои волосы и щеки. День обещал быть погожим. Я глубоко вдыхал соленый аромат моря, только успокоения это не приносило. У меня был адрес родственников Ломбарди и письма, должны обеспечить мне плавный вход в здешнее общество, но куда в сущности еду я не знал, равно и как ко мне отнесутся эти новые люди.

Глава 3

До постоянного двора, расположенного на окраине города, куда прибывали проезжие кареты, я добрался довольно быстро. Я уточнил у трактирщика, не останавливались ли на ночлег знатные постояльцы, способные меня подвезти, на что тот ответил недоумевающим взглядом и сухим "нет", словно я не в своем уме. Не оставалось ничего, кроме как ждать. Я знал, путь не близок и опасен, в дороге могло случиться все, что угодно. Возможно, с моей стороны это было безрассудно так рисковать, но об опасности всерьез я не задумывался, опыта подобных путешествий у меня не было. Конечно, безопасней было бы добраться по морю, трактирщик такое предложение выдвигал, но я не мог даже представить свое плавание, боялся.

Завтракать не хотелось, но я все же заказал перекусить, во первых, что бы занять себя пока жду, а во вторых, не известно сколько я буду ехать до ближайшей таверны, еды я опрометчиво не взял. Флягу, перед отъездом подаренную мне Армандо, я сразу же попросил наполнить вином, а чуть позже, остатки не съеденной еды завернуть с собой.

Ближайшую карету пришлось подождать часа три, к тому же у нее сломалось колесо и лошади сильно выдохлись, поэтому отправиться в путь мне удалось лишь к обеду следу-

ющего дня. В то время я мог почтить за счастье, ведь карету не каждый мог себе позволить, к тому же дороги не позволяли дальние путешествия, было и много других опасностей, но мне повезло, и мне удалось договориться с попутчиками. Правда, задержка с отправкой лишь усилило мое волнение, подмешав в него еще чувство беспокойства и тревоги, словно я что-то делал не правильно. Не смотря на это я все же отправился в путь. Компанию мне составила престарелая вдова с взрослой незамужней дочерью, едущие на похороны родного брата вдовы (я узнал это из их разговора). Дам сопровождал молодой человек лет пятнадцати, производивший впечатление щеголя и повесы, и два рослых кучера. Мальчик приходился вдове сыном. Он сильно жестикулировал руками, когда говорил, был вечно чем-то не доволен, и практически каждую свою фразу начинал с подобного: "Когда я путешествовал с тем-то тем-то, знаменитым тем-то тем-то, мы останавливались в роскошных местах и лошади и кареты были лучше" и далее в том же духе. Но его мать это ни капли не смущало, она с обожанием и гордостью смотрела на этого заносчивого юнца. Его сестра напротив, была до крайности тиха и серьезна. За всю поездку она ни разу не улыбнулась и даже не попыталась возразить явно угнетающей ее матери или пренебрежительному отношению брата. Она и ее брат со стороны производили впечатление хозяина и служанки, как по поведению, так и внешне. Насколько он был одет по последней моде, настолько же она выглядела

просто, я невольно отметил ее сходство с серой мышкой.

Дорога в Нормандию заняла семь дней и за это время мы успели познакомиться ближе. Помню всю дорогу вдова пыталась так или иначе расспросить меня о семье, доме и состоянии, которым я располагал. Не знаю, какое у нее сложилось впечатление из моих уклончивых ответов, но в конце концов она потеряла ко мне интерес, хотя и попыталась со сватать мне свою дочь, смутив и без того забитое создание. Юнец же быстро поняв, что пользы или чести от знакомства со мной ему не будет не проявлял ни капли интереса к беседе.

Я был рад расстаться с этим семейством в Нормандии, скромно попрощавшись с ними в Руане. Далее пришлось взять лошадь, что бы добраться до обозначенного Ломбарди места. Не знаю каким чудом, но весь путь до Нормандии обошёлся без особых неприятностей. Дороги были ужасны, в карете сильно укачивало, из-за чего периодически приходилось останавливаться, но опасные столкновения нас обошли стороной.

Погода в Трувиллине встретила меня назойливым туманом и моросью, и разительно отличалась от Амальтийского климата. Стояло раннее утро и дымка, накрывшая поля, казалась серой и мрачной. Даже запах здесь был другим. Привычного вкуса моря и пряного аромата южных деревьев не было. Не смотря на лето, в воздухе витал привкус сырости и чего-то затхлого. Вскоре зарядил противный дождь. Голо-

ву невольно снова стали посещать грустные мысли. Зайдя в ближайшую таверну, пропахшую плесенью и влагой, я заказал себе завтрак, который с угрюмой миной на лице подал мне трактирщик. Затем я достал письмо с адресом, которое дал мне синьор Ломбарди. Не имея ни малейшего представления, где искать семью Монти, чья фамилия схожа с Моретти (это настораживало), я все же отважился поинтересоваться у трактирщика. Тот в свою очередь недовольно хмыкнув, все же рассказал мне, где их искать, поэтому в знак благодарности я оставил ему довольно щедрые чаевые, что к моему разочарованию, несколько не прибавило ему настроения. Утолив голод явно вчерашним ужином, я отправился в путь.

Проскакать предстояло мили три. По пути туда мне долго не попадалось никого, а когда наконец посчастливилось, оказалось я забрел не туда. Пришлось возвращаться еще пол мили. Удача не благоволила мне в тот день и добраться до Монти мне удалось лишь под вечер. Я чувствовал себя уставшим, влажным от липкого тумана и весьма испачкав сапоги. Именно тогда я понял, что взять с собой минимум вещей оказалось правильным.

Управляющий дома долго смотрел на меня с недоверием и лишь нахмурился, прочитав на протянутом мной письме адресата. Он не пригласил меня в дом, как требовали того меры приличия, по крайней мере так было заведено в тех краях, где я родился. Мне пришлось дожидаться его какое-то время во дворе, показавшимся мне убогим. Красок не доба-

вило ему и солнце, с трудом пробившееся сквозь серую дымку облаков. В тот момент я впервые задумался, что поступил не верно.

Спустя несколько минут появился управляющий, за ним шла невысокая женщина, крепко сжимавшая в руках листок письма.

– Морис, как тебе не стыдно так принимать гостя, прибывшего от моего драгоценного кузена, – следуя попятам, отчитывала она его. – Синьор Алигьери, как неловко! – извинилась она, – Проходите скорее в дом, вы вероятно сильно устали? Морис возьми вещи и отнести в гостевую! – приказала она.

Я вдруг почувствовал себя неловко, как гость, осознавший, что свалился с неба на голову хозяев

– Ох, если бы мой брат успел предупредить, мы бы встретили вас в Руане.

Ее взгляд вдруг упал на мои сапоги: – Боже мой! – ужаснулась она. – Сколько вы добирались?!

– Все хорошо, – заверил я, – Это я упал на вас, как снег на голову.

– Ерунда какая! Друзья брата, наши друзья! – возразила она. – Пойдемте же.

По пути в дом мы обменялись еще парой фраз в том же духе.

Как же приятно было переодеться и выпить подогретое вино с фруктами. Я словно сбросил с себя всю усталость ра-

ЗОМ.

Комната, в которой меня поселили, да и весь дом, оказались довольно простыми в отделке. Мебель, наполняющая их, не казалась новой, но все же, может от усталости, а может так оно и было, они мне показались гораздо уютнее изысканного дома брата. Сердце еще раз кольнула тревога за родной дом.

Когда я умылся и переоделся в сухую и чистую одежду, то спустившись в гостиную, обнаружил хозяйку сидящей у окна. Она задумчиво глядела на тоскливый пейзаж и, мне казалось, кого-то ждала.

Розалия-Лучия Монти, так ее звали. Она была уже не так молода, ей было тридцать два, а из-за одежды, в основном в тусклых тонах, выглядела еще старше. Ее волосы, аккуратно зачесанные в сеточку придавали ей сходство с молодой старушкой. Строгое домашнее платье скрывало почти все ее тело. Лишь руки украшал один единственный перстень с изумрудом в дорогой оправе, так странно несочетающийся со всем ее видом. В ней угадывались черты её брата Армандо.

Увидев меня она просветлела, добродушно улыбнувшись мне и помолодев тем самым лет на десять.

– Вы не возражаете если мы подождем к ужину моего мужа? – учтиво спросила она. – Пьер вот-вот должен вернуться с полей.

Не смотря на испытываемый мной голод, я все же посчитал невежливым начать вечернюю трапезу без хозяина дома.

Мой желудок не разделил моего согласия, предательски заурчав как раз в тот момент, когда я сказал, что не голоден.

– Морис! – с пониманием, но лукаво улыбнувшись мне, позвала она управляющего.

В доме было не много прислуги, всего управляющий домом Морис, повариха Марта и молодая, но довольно неуклюжая служанка, имени которой я не запомнил.

– Морис, принеси нам с синьором Алигьери, пожалуйста, бутылочку вина. Пока мы ожидаем Пьера, она придется кстати, – распорядилась она, появившемуся в дверях управляющему.

Тот кратко кивнув, вновь исчез там, откуда пришел.

Пока я заедал голод вином с печеньем, синьора Монти расспрашивала меня о своем брате и его семье и пришла в искренний восторг, узнав, что ее брат планирует навестить ее через месяц. Вероятно, он не упомянул этого в письме, переданном со мной. Розалия оказалась такой же доброй, как и ее брат. Они были сильно привязаны друг к другу и часто переписывались. Поэтому, что бы не утруждать сестру подготовкой к приезду, он часто не сообщал о своем приезде, а когда бывал, старался доставлять как можно меньше хлопот и помогал во всем. Все это рассказала мне она, притворно возмущаясь, что он опять планирует сделать сюрприз своим внезапным появлением, но глаза ее выражали любовь к брату.

Так за приятной беседой мы просидели около часа. И хоть

госпожа Монти старалась не выражать этого, все же своими частыми взглядами на часы и в окно, выдавала свое беспокойство.

– А чем занимается ваш муж? – поинтересовался он.

– Фредерик целыми днями работает на ферме, не далеко отсюда. Мы разводим овец. Сын ему помогает. Правда обычно они в это время уже дома. Даже и не знаю, что думать, – выразила свое беспокойство Розалия.

В этот момент за окнами послышались звуки приближающейся телеги, а еще через несколько минут глухие звуки, ударяющихся о землю сапог.

Я машинально напрягся, настороженно прислушиваясь к происходящему снаружи.

– Что вы? – отмахнулась сестра нотариуса, – Это, наверно Фред и Вилли вернулись.

Она быстро встала и уверенной походкой направилась к дверям, по дороге ее нагнал Морис с фонарем в руках. Они скрылись в дверях и звуки их шагов стали тише. Снаружи были слышны голоса, но о чем они говорили, различить мне не удалось. Вскоре в дверях появился хозяин дома, следом шел, как я понял, его сын – сходство их было очевидно, сын был молодой копией своего отца. Последней в гостиную вошла Розалия.

Увидев меня, оба мужчин замерли на месте, младший вопросительно, старший настороженно смотрели на меня.

– Милый, это синьор Левино Алигьери, добрый друг Ар-

мандо, – весело прощепетала миссис Монти, указывая на меня.

– Ясно, – кратко с недовольством сказал ее муж. – Синьор Алигьери, – слово "синьор" было произнесено грубовато, – скажите, это считается нормальным там, откуда вы прибыли? – спросил он.

– Что считается нормальным? – не понял я.

– Сваливаться, как снег на голову, или этому вы научились у братца моей Розалии, – слово "братца" прозвучало пренебрежительно.

Я смутился, почувствовав жар в теле, вызванный неловкостью. Я посчитал, что он прав и чувство стыда пробежало по мне.

– Фредерик! – укорила его жена.

– Я думал, вас уведомили... и надеялся... – неуверенно попытался оправдаться я.

– Да, это не вежливо, но зато правда. Ладно, забудем! День был тяжелым. Должно быть во мне говорит усталость. Будем знакомы! Меня зовут Фредерик Монти, а это, – он указал на сына позади, – мой сын, Вильям. С моей женой вы уже знакомы.

Мы пожали друг другу руки.

– Розалия, мы очень устали и голодны, как те волки, на которых сегодня шла охота. Я бы не отказался от пары овец! – и посмеявшись над собственной шуткой, которую поддержал его сын, мужчины направились в столовую.

Я все еще чувствовал себя неловко, как гость осознающий свою нежелательность.

Ужин был довольно прост, но это никак не умоляло его вкуса. Отменный барашек с горохом и луком в сочетании с зеленью и простое местное вино наполнили мой организм до отвала. Посуда и приборы тоже не отличались особыми изысками. Здесь не нужно было притворяться и соблюдать какие-либо особые правила. Я ел в волю, не стыдясь. Никто не сверлил меня взглядом, никто вообще не обращал внимание на то как или сколько я ем, даже наоборот, стоило мне доесть один кусок мяса, как на тарелке уже появлялся другой. Морис и служанка словно ждали, что я доем что-то, что бы тут же наполнить мою тарелку снова. Розалия только одобрительно кивала, когда кто-то из прислуги подкладывал мне еду. Я не противился, дабы никого не обидеть.

Хозяин же дома и его сын жадно поглощали мясо, глядя в свои тарелки и молча. Розалия следила, что бы всем всего хватало, и не смотря на то, что ее тарелка была до краев наполнена едой, в своей заботе о других, она съела очень мало.

Когда Розалия упомянула имя своего мужа впервые, я почему-то представил себе светского лорда, холодного и надменного, на деле же Фредерик выглядел как принц – высокий, красивый и очень мужественный, с достоинством держащий осанку. Однако при всем при том он был прост в обращении и одет скорее как рабочий, чем как знатная особа. Его сын Вильям, как я уже говорил, был точной копией сво-

его отца.

Наевшись вволю хозяин откинулся на спинку стула с бокалом вина в руках. Только теперь он перевел взгляд на меня:

– Итак, синьор Алигьери, не ошибся? – спросил он.

– Можно просто, Левино, – поправил я.

– Итак, синьор Левино, что вас привело в наши края? – расслаблено поинтересовался Фредерик.

– Это сложно объяснить. Если честно, я и сам не знаю, – растерянно ответил я.

– Это как же так? Вы не знаете, почему приехали в наш городок? Место, скажем так, не курорт, – в его тоне прозвучала насмешка.

– Но и здесь, я так полагаю, можно подлечить душу, – не подумав, ляпнул я, и тут же поправился: – Я хотел сказать, что и здесь живут люди.

– Значит вы приехали подлечить душу, – констатировал хозяин дома.

– Можно сказать так, – подтвердил я.

– И от чего же? Несчастливая любовь? Бизнес? – с претензией поинтересовался он.

– Фредерик, дорогой! – одернула его жена, – У синьора Алигьери недавно умер отец, – понизив голос, пояснила она мужу.

– Сожалею, – извинился он так, словно наступил мне на ногу. – И вы решили, что пережить утрату вам поможет хму-

рое небо и мрачный климат?

– Фредерик! – снова попыталась одернуть его жена. – Синьор Алигьери, вы изрядно устали, не желаете отдохнуть? – почувствовав неладное, предложила Розалия.

– Да, пожалуй, не откажусь. Пожалуйста, не сочтите за грубость, – поспешил откланяться я, но не встал из-за стола, пока хозяин дома не позволил.

– Ну что вы, – с несколько язвительностью произнес он. Я поспешил ретироваться, чувствую себя так, словно меня отчитались за провинность.

У лестницы на верх я все же не смог удержать любопытство и замер, прислушиваясь.

– Фредди, дорогой, ты был слишком груб с ним, – мягко сказала синьора Монти.

– О да, это так вежливо сваливаться с неба прямо на голову незнакомым людям! – высказался ее муж. – Я могу допустить подобное со стороны твоего брата, он все же твой брат, но кто сказал, что я позволю ему присылать ко мне кого попало?

– Дорогой, он сын его лучшего друга. Он написал, что синьор Левино ему как сын.

– Уж не тот ли это Алигьери о котором ты мне рассказывала?

Мое сердце пропустило удар, я напряг свой слух насколько смог.

– Тот, – виновато ответила Розалия, – Такой бедняга, –

жалостливо добавила она.

– Кажется ты говорила, что у его друга было два сына... Что-то припоминаю про историю со служанкой. Это который сын? – настойчиво выяснял хозяин дома.

– Второй, – спокойно ответила его жена.

– То есть не совсем... иначе говоря незакон..., – констатировал он.

– Да, и что с того? – с упреком возразила она.

Я почувствовал себя ничтожно.

– Нет, ничего, – я буквально увидел, как от негодования он скрестил на груди руки.

На какое-то время воцарилось молчание.

– Матушка, отец прав, не стоит появляться из неоткуда, не будучи уверен, что тебе будут рады, – заступился за отца Вильям, до этого не произнесший ни слова. На краткий миг воцарилась тишина.

– Я пойду. Очень устал, – добавил юноша.

– Иди, родной, ложись спать, – примирительно разрешила Розалия и, поцеловав его отпустила.

Я услышал приближающиеся шаги ее сына и поспешил в отведенную мне комнату.

Ночь прошла беспокойно. Меня терзала совесть и стыд. Я чувствовал себя очень глупо. Еще я злился на Армандо за то, что он прислал меня сюда.

На утро за завтраком, едва хозяин дома спросил, надолго ли я приехал, я ответил, что вероятно они меня не так поня-

ли и, я проездом здесь, что мне нужно было остановиться на пару дней где-то, вот Армандо и направил меня сюда. Эти слова сняли заметную долю напряжения с семейства Монти. Я твердо решил, что уеду через пару дней. Однако мне предстояло еще два дня провести с этой семьей.

Хочу отметить, что в отсутствии возникшего раздражения, которое внес я своим неожиданным приездом, семейство Монти оказалось довольно доброжелательным. Хозяйка дома, Розалия, всячески пыталась смыть неприятный оттенок, который оставил ее муж своей прямолинейностью. Она была добра, заботлива и всегда улыбалась. Казалось, ей очень не хватало общения и разнообразия в жизни, поэтому когда была возможность, она расспрашивала меня о брате, обо мне, общих знакомых или сама рассказывала что-либо.

Как бы там ни было, но уже на следующий день я понял, почему Фредерик Монти не очень жаловал гостей. Он предложил мне поехать с ним и его сыном посмотреть на ферму по разведению овец, которой владел. Если выразиться точнее, это была даже не ферма, а целое поместье, огромное, в два раза больше дома, в котом он жил с семьей. Вокруг были бескрайние поля, покрытые утренним туманом и росой. В загонах паслись овцы, своей массой напоминая целое мохнатое бело-серое море. Загонщики то и дело сновали вдоль забора на бодрых лошадях, развивающих гривы и поблескивающих упругими боками.

Едва мы прибыли, и наши ноги, коснувшись земли, уто-

нули в облаке дорожной пыли, поднимаемой огромным количеством копыт, к нам приблизился, как я понял, управляющий поместьем – коренастый мужчина с напряженным лицом и мускулистым телом. Он отчитался хозяину о ночном происшествии и предложил продолжить охоту с восточной окраины пастбища.

Оказалось, ночью было еще два нападения волков на стадо Монти. Нам предстояло охотиться на стаю волков.

Признаться честно, я никогда раньше не участвовал в охоте, поэтому перспектива ее, к тому же на стаю волков, меня пугала. Я попытался скрыть свой страх, надвинув шляпу на глаза (одежду для этой поездки мне выдал Синьор Монти). Однако ничего страшного не произошло. Из-за огромного количества наездников и лошадей, мне так и не удалось увидеть ни одного живого волка, хотя я слышал выстрелы и видел бурую шкуру в руках одного из загонщиков. Не смотря на это я так вымотался и проголодался, что к концу дня буквально валился с ног, а от непривычно-долгой езды на лошади мои ноги затекли и одеревенели.

Покончив с отстрелом зверей мы вернулись на ферму, где еще какое-то время синьор Монти занимался делами, объезжал свои владения, выслушивал отчеты о проделанной работе, развитии поголовья, полученной шерсти, мясе и прочем подобном. Мне оставалось только удивляться, как у него и следовавшего по пятам за ним сына хватало на все это сил.

В дом Монти мы вернулись, когда стемнело, после ужина,

я предпочел сразу отправиться спать. Говорить не хотелось, язык не слушался, хоть Розалия и пыталась разговорить меня за довольно сытным ужином. Из вежливости я пытался поддержать беседу, однако от усталости даже это давалось с трудом.

На следующий день я предпочел остаться дома, составить компанию Розалии. Тело болело от вчерашней нагрузки, ноги ныли, каждая мышца при малейшем движении выражала свое недовольство болезненным покалыванием.

Этот день в контраст предыдущему прошел медленно и лениво. Даже ежедневный ворох дел, в которых я выразил инициативу помочь хозяйке дома, никак не ускорил приближение вечера.

С самого утра Розалия сновала по дому, раздавая указания не многочисленной прислуге и проверяя, все ли в порядке. Видимо, это была участь всех жен, так как моя мама, когда была жива, занималась тем же самым каждый день. Розалия без конца находила, что поправить, например картину, или зеркало, или неровно стоящую статуэтку. Казалось, она сама находила себе работу.

Ближе к обеду мы отправились в огород набрать свежей зелени и овощей к обеду. Тот был просто гигантских размеров, однако не менее аккуратный, чем дом. Попутно, мы разговаривали обо всем на свете, о книгах, о музыке, о природе и прочем подобном. С ней было легко, она жадно впитывала любую информацию и все не могла насытиться. К ве-

черу я понял, что в бесконечной беседе она пыталась восполнить недостаток общения, возникший от затворнической жизни. Меня же замкнутая жизнь не тяготила, а наоборот, была уютной и удобной.

Так прошел еще один день в семье Монти. И я бы нашел проведенное здесь время в меру приятным, если бы за ужином того же дня мне не напомнили о скором отъезде.

– Я послал управляющего договориться о карете для вас. Она должна прибыть завтра в семь утра. Так что если она не увязнет в грязи или не сломается, вы сможете отправиться в путь. У нас ужасные дороги, Синьор Алигьери, – сообщил мне хозяин дома, едва мы покончили с мясом.

Все впечатление от проведенных здесь дней сошло на нет, словно в них и не было ничего сносного.

– Отлично! – фальшиво-бодро отреагировал я.

– Я вас отвезу! – сказал хозяин дома.

– Ну что вы, не хочу вас утруждать. Я и так доставил вашей семье забот, – поспешил отказаться я.

– Я отвезу вас! Мне все равно нужно в город. К тому же не стоит отпускать вас пешком, вы увязните в грязи! – безоговорочно заявил он и усмехнулся, бут-то сказал что-то смешное.

Его поддержал сын. Розалия же, напротив, была чересчур тиха за ужином и часто отлучалась, то за подливой, то за хлебом, то за вином, игнорируя прислугу.

Утро наступило быстро, как любое неприятное событие.

Я быстро собрался, позавтракал с семьей Монти. Вильям сегодня отправился на ферму один. После недолгого прощания, как никак мы не были столь близки, Фредерик сам запряг повозку и мы отправились в город.

На прощание Розалия собрала приличный сверток еды и питья, вручая который всем своим видом пыталась выразить, как ей неудобно за мой скорый отъезд. На лице застыло виноватое выражение.

– Куда вы теперь, синьор Алигьери? – спросил меня ее муж где-то на пол пути.

– Пока не решил. Думал посмотреть город, – без задней мысли сказал я.

Брови Фредерика недовольно нахмурились.

– Другой город, ближе к югу, – поспешил добавить я, – Думаю отправиться южнее. Я нигде не был. Хочу увидеть больше, – взволнованно поправился я.

– Послушайте, синьор Алигьери, я человек прямой, поэтому скажу прямо. Никто нас нигде не ждет. Не знаю, что толком у вас произошло, но мой вам совет, вернитесь домой или создайте таковой. Если не куда возвращаться, создайте семью и найдете свое место в жизни, – серьезно посоветовал он. – И ради бога, не сваливайтесь внезапно на голову незнакомых людей. Чести вам это не прибавит.

Когда мы прибыли на постоялый двор, я был разбит и чувствовал себя ненужным, хотелось бежать как можно дальше и забиться в отцовское кресло вновь. Только это было не воз-

можно. Что делать дальше я не знал. Остаться еще хоть на час в этом городе сразу расхотелось, к счастью, не пришлось. Карета прибыла на постоялый двор раньше обычного, погрузка уже шла полным ходом.

После краткого рукопожатия синьора Монти, я сел в карету, увозившую меня, я даже и не знал куда, знал только направление на юг.

Глава 4

Раскачиваясь в карете, как в крохотной лодочке на волнах я ехал, не имея ни малейшего представления, куда держу путь. Спросить же никого не имелось ни малейшего желания, вообще разговаривать ни с кем не хотелось, поэтому даже если случайные попутчики высказывали свое желание пообщаться, я отвечал односложно и у них пропадало желание мне докучать.

Я скучал по знойному солнцу родного города, по шумному своеобразию ее жителей и по лунным ночам. Поэтому почувствовал облегчение, когда случайный человек спросил кучера, куда мы держим путь, и тот ответил, что на юг. На какое-то мгновение я испугался, предположив, что они везут меня обратно, домой в Италию, как вдруг речь зашла о побережье Франции. Когда же кучер упомянул Арфлюорер, мое сердце подпрыгнуло от неожиданности. Спустя пару минут мне удалось совладать с собой. Я решил примириться с этим и отправиться туда, куда меня направляла судьба, точнее туда куда меня направляла отец после того, как покинул этот мир.

Там то и настигла меня смерть.

Я прибыл в Арфлюорер жаркой летней ночью восьмого августа одна тысяча четыреста восемьдесят второго года. Это

была чудная ночь. Мягкий соленый бриз нежно ласкал мое лицо и приносил успокоение. Яркая луна подмигивала мне сквозь облака с небес и я тоже был рад ей. После сырости и грубости нормандского климата она показалась мне другом, радушно открывающим объятия после разлуки.

На ночлег я устроился в постоялом дворе на окраине городка. Тучный и лысоватый хозяин щедро подал мне поздний ужин состоящий из курицы с бобами, массивного ломтя хлеба и неплохой бутылочки вина. Поев я поднялся в отведенную мне комнату с желанием лечь спать, однако открыв грубую дверь из потертого дерева, от сна не осталось и следа. Сама комната была простой и тесной, всего семь квадратных метров, с обшарпанными стенами и потускневшие скрипучим полом. Все ее пространство заполнила деревянная кровать с несвежими простынями, и небольшой стол с выдавшим виды стулом. В комнате пахло сыростью и в окно сквозь щели просачивался ночной бриз. Но все это меркло пред лунным светом, застилающим все поверхности в этом убогом помещении. Я бросил у порога свою дорожную носу, закрыл дверь и подошел к окну. Вид из окна завораживал. За окном пышным цветом раскинулось лето. Мерцающее в холодном ночном сиянии, оно покачивало своими зелеными лапами деревьев. А где-то вдали под бесконечным небом плавно переливалось море, маня пройти по дороге из света и волн прямо к самой луне, игриво прикрывшей свой лик облачком.

Не помню, сколько я наслаждался любованием и когда лег, но проснулся около полудня следующего дня. В тот день я намеривался подыскать себе скромный домик, желательно с видом на морской простор. Я оставил вещи в комнате и отправился осмотреть город. Выйдя на улочку, меня внезапно настигло чувство голода. Недалеко от места моего ночлега располагалась булочная и запах свежей выпечки разносился по всей улице. Я невольно сглотнул и почувствовал бурление в желудке. Нужно было поесть.

Благо на соседней улице я нашел трактир, там то и позавтракал. Конечно время было уже обеденное, но для меня всегда первый прием пищи за день считался завтраком.

В трактире было душно, но все же немного прохладнее, чем снаружи, где к полудню царил летний зной. Устроившись за засаленным столиком у серой от времени стены, я прижался к ней спиной, желая ощутить прохладу. Кроме меня в трактире находилось еще несколько не очень молодых мужчин, заглянувших пропустить по бокальчику вина и укрыться от жары и солнца.

Вскоре ко мне подошел невысокий плотного телосложения трактирщик. По вискам и над верхней губой его скопился пот и, он часто вытирал свой высокий лоб полотенцем.

– Чего изволите? – хриловатым голосом вежливо поинтересовался он.

– Чего посоветуете? – спросил я.

– Возьмите свиную похлёбку. Она сегодня ничего, – пред-

ложил трактирщик.

–Согласен. И кувшин вина, – добавил я.

Трактирщик подал мне похлёбку, ароматный кусок хлеба и зажаренную рыбу с подливой и овощами. Кувшин с вином поставил рядом и уже собирался удалиться, как я остановил его:

– Любезнейший, – обратился я, дивясь слову, не входившему в мой словесный запас.

– Что-то еще? – остановился трактирщик.

Я слегка наклонился к нему и спросил:

– Я хочу снять небольшой домик для проживания. Не знаете ли вы, кто сдает?

– Хм... – задумался мужчина. – Решили обосноваться? Надолго?

– Пока не знаю. Обстоятельства определяют, – кивнул я.

– Дайте подумать, – нахмутив брови, призадумался трактирщик, – Хельга Уинзор сдает комнаты через две улицы отсюда. А домик... даже и не знаю, кого посоветовать. Обратитесь для начала к ней. Очень видная особа.

– Сдала неделю назад, – вдруг вмешался один из посетителей, сидящий ближе всех ко мне. – И знаете, кажется, в этот раз у нее может все сложиться.

Он многозначительно посмотрел на трактирщика.

–Что сложиться? – не понял я.

–Вы я вижу вы недавно в городе? – спросил незнакомец.

–Да, я прибыл вчера.

Незнакомец вдруг встал, взял кувшин вина, бокал со своего стола и направился ко мне:

– Разрешите разделить с вами трапезу? – предложил он.

– Пожалуйста, присаживайтесь, – позволил я.

– Мне то же самое, – обратился он к трактирщику, указывая на мою похлёбку.

Когда же тот удалился за едой, мой сосед продолжил:

– Маркус Крутц! – представился он.

– Левино Алигъери, – поддержал я.

– Каким ветром вас занесло в наши земли? – спросил он, отбросив условности.

– Ищу себя, – довольно откровенно ответил я.

– А я моряк, служу на судне "Пегас", – в свою очередь поделился Маркус.

– Так что же такого в мисс Уинзор? – поинтересовался я.

– Ничего особенного. Очень милая дама, если не считать того факта, что она селит у себя только одиноких мужчин определенного возраста.

– Почему же?

– Видите ли, Хельга Уинзор еще молодая женщина, к тому же не дурна собой. И вот не повезло, рано овдовела, так и не подарив мужу детей. После смерти мужа все дела свалились на ее плечи. А вести такое хозяйство одному, тем более женщине, не легко. Дому нужен хозяин.

– Так в чем же заключается сложность? – спросил я.

Моряк сделал паузу, налил себе и мне вина, затем едва

коснувшись моего бокала, осушил свой. Я поддержал его, отпив из своего.

– Общество жестоко, – продолжил он. – И от порядочной женщины до распутной лишь шаг. К тому же не всякий подходит.

Я отхлебнул вина и, отрезав кусок рыбы, сунул его в рот. К этому времени подоспел трактирщик со съестным для моряка.

Тот налил нам еще вина и начал поглощать съестное.

–И все же, я бы тоже посоветовал вам пойти к Хельге. Она даже если и не сдаст вам приличное жилище, то хотя бы посоветует кого. Она многих знает.

–Да-да, – закивал трактирщик, – она приятная женщина.

Когда же трактирщик удалился от нас, мы выпили еще по бокалу вина.

–А может... – сказал, причмокнув, Маркус, – вам повезет, и вы сможете обрести семейное счастье в наших краях.

–Я не ищу ни любви ни богатства, – отрезал я.

–Нууу, – протянул моряк, – никто не может знать, где его настигнет стрела Амура.

–И все же... – попросил я.

Моряк лишь пожал плечами. Трапезу мы закончили под рассказ моего нового знакомого о последнем мореплавании. Я невольно вспомнил отца и наши ночные беседы.

Трактир мы покинули в весьма приподнятом настроении и порозовевшие от вина. Маркус вызвался проводить меня

к вдове Уинзор.

К тому времени полуденная жара начала спадать, а на улочках появился едва заметный ветерок.

Идти предстояло не далеко и мы не торопились. Судно Маркуса должно было покинуть порт лишь послезавтра, а мне и вовсе спешить было не к чему. Мой спутник предложил немного прогуляться по окрестностям дабы развеять винный дурман в головах и познакомить меня с городком.

Маркус Крутц был высоким статным светловолосым мужчиной в возрасте двадцати девяти лет. Еще в юном возрасте он в поисках приключений сбежал юнгой на торговое судно, да так и остался. Мореплавания и жажда приключений так увлекли его, что он не смог остепениться. Его влекло все новое и неизведанное: новые города, новые вещи, новые люди. Единственное к чему он был привязан всем сердцем – это "Пегас". Он был ему домом, команда – семьей, а капитан – за отца.

Маркус был весьма простым и незамысловатым человеком, ищущим открытий и открытым для всего. Денег у него особо никогда не водилось, а те что приносила работа на судне, он просаживал в многочисленных портах, однако всегда возвращался в Арфлюрер. Здесь он родился и вырос, и здесь располагалась торговая компания, которой принадлежало судно.

Итак, мы – я и Маркус – прогуливались по городку в направлении дома вдовы Уинзор, точнее мы планировали ту-

да попасть, совершив немалый крюк через весь город. Узкие улочки, невысокие домики и свежесть моря, перемешанная с ароматом южной природы, придавали особое очарование городку и навивали умиротворение. Мне непременно захотелось задержать на какое-то время в этом чудесном месте.

Мой спутник провел меня через набережную, с гордостью представив свое судно, а потом неторопливо привел к уже интересующей меня Хельге Уинзор.

Массивные деревянные обшитые ковкой ворота ее дома встретили нас едва приоткрытой щелью, тем самым словно приглашая заглянуть внутрь. Высокий каменный забор с черепичными козырьками неприступной крепостью окружал дом его госпожи, скрывая большую часть дома от посторонних глаз. Сам же дом был невысоким и не особо большим, однако в сравнении с госпожой Уинзор он казался огромным. Сама Хельга Уинзор была миниатюрной молодой немкой двадцати трех лет отроду, которая в момент нашего появления стояла посреди своего просторного двора и раздавала указания немногочисленной прислуге, состоящей из поварихи, пары горничных и привратника. Едва скрипнули ворота ее "крепости", она оправилась с лица выбившуюся из тугой прически курчавую рыжеватую прядку волос и направилась к нам.

Вдова Уинзор действительно оказалась миловидной с что называется "аппетитными" формами, не явно подчеркнутыми ее довольно простым домашним платьем и узко зажатой

в корсет талией. Она с достоинством решительно приблизилась к нам и вопросительно, но не враждебно устремила на нас свои большие серо-зеленые глаза, обрамленные густыми темно-рыжими ресницами.

В этой маленькой женщине, которая едва доходила мне до плеча, сразу чувствовалась какая-то сила так, что я даже оробел от такой близости.

–Что вам нужно, господа? – спросила она с ничего не отражающим выражением на лице, словно определялась с эмоциями по случаю нашего внезапного появления.

–Доброго дня, госпожа Уинзор! – любезно начал Маркус. Казалось, он тоже стал напряженным.

–И вам, – вежливо ответила Хельга, но выражения не изменила. –Что привело вас ко мне? – спросила она.

–Я слышал вы сдаете приличные комнаты, – сказал Маркус.

–Это правда, только они заняты. В них в данный момент проживают, – ответила она.

–Как жаль! – огорчился Маркус. – Но, может быть, вы подскажите, кто сдает неплохое жилье?

–Оно требуется вам? Я знаю вас. Думала вы живете на судне?

–О конечно же не мне, но вы осведомлены.

–Это маленький городок. Все так или иначе все знают. Так кому же требуется жилье?

Все это время вдова Уинзор больше смотрела на меня сво-

им внимательным, но ненавязчивым взглядом, лишь мимо-летно переводя глаза на моего спутника. А я стоял рядом, не проронив ни слова.

–Понимаете, мой друг... – моряк сделал небольшой шаг назад, выводя меня на первый план.

Я еще больше почувствовал неловкость.

–Так вот, мой друг недавно в городе и ему хотелось бы за-держаться. Вы здесь всех знаете, и я предположил, что смо-жете помочь, – продолжил он.

–Откуда вы прибыли? – мягко обратилась ко мне Хельга.

–Я... – мне пришлось прокашляться прежде, чем я смог говорить. –В настоящий момент я прибыл из Нормандии.

–Что же привело вас в наши края? – несколько потеряв интерес поинтересовалась Хельга.

– Желание попутешествовать, – ответил я.

–У меня есть пара комнат, но даже не знаю слишком ли они просты для благородного человека вроде вас, – обрати-лась она ко мне.

–Нам подойдет! – вмешался Маркус. –Он славный чело-век! – по свойски добавил моряк, словно знал меня давно.

–Хм... – Вдова Уинзор с подозрением прищурила глаза, а потом внезапно стала холодна. – Извините, господа, но я берегу эти комнаты на случай приезда родни. И они, пожа-луй, и вправду слишком простоваты для вас, – сухо сказала она и собралась удалиться. – А теперь прошу простить, меня ждет много дел.

–Но может быть... – растерянно вымолвил Маркус.

–Ни чем не могу более вам помочь! – оборвала она и, повернувшись спиной, начала удаляться.

–Поживу какое-то время на постоялом дворе, – сказал я Маркусу, направляясь к выходу.

Если честно, то я и не надеялся, что эта идея увенчается успехом, мне просто хотелось посмотреть на эту женщину. Но увидев, я бы точно не сказал, что эта женщина находится в поиске мужа.

– Не повезло, Алигьери, – от разочарования моряк хлопнул меня по-братски по спине.

–Постойте! – вдруг услышал я за спиной.

Я обернулся и чуть не столкнулся лицом с Маркусом, шедшим за мной.

– Вы... А... вы остановились на постоялом дворе? – спросила вдова. Ее глаза были полны удивления.

– Да, – с не меньшим замешательством ответил я.

–Я заметила, что вы не из простых. Как вы можете останавливаться в таком убогом месте?

– У меня не было выбора. Я приехал ночью. К тому же я довольно не притязателен... И чудесный вид из окна затмевал всю неприглядную обстановку внутри, – немного смущенно пояснил я.

–И что же так впечатлило вас за окном? – растерянно, но живо спросила вдова.

–Луна, –сказал я, смело заглянув в глаза вдове Уинзор.

–А вы не говорили, что романтик! – возвестил о своем присутствии Маркус.

Вдова брезгливо покосилась на моряка, а за тем ненадолго задумавшись произнесла:

–Что ж господин Алигьери, я не ошиблась? – Я кивнул,. – Вы и впрямь непритязательны. Мне захотелось вам помочь. Предлагаю вам на первое время занять те комнаты, о которых я говорила. Потом мы подыщем вам что-нибудь попримичнее, – мягко сказала она.

–Я не знаю даже, что сказать, – растерялся я.

–Подумайте! Мои комнаты хоть и простоваты, но все же в сравнение не идут с теми, где вы поселились.

Маркус слегка подтолкнул меня.

–Вы окажите мне любезность если приютите на некоторое время.

–Вот и ладненько! – потер руки моряк.

Вдова снова пренебрежительно смерила его негодующим взглядом, указывая на то, что он может быть свободен.

–Пойдемте! Я покажу вам, где вы будете проживать. Плату я буду брать небольшую, так как комнаты не особо просторны и, повторяюсь, довольно скромны.

–Вот и хорошо! Тогда мне пора. Я завтра загляну, посмотрю как вы устроились! – сказал мне Маркус.

–Не стану вас задерживать, – холодно попрощалась Хельга.

–До встречи! – с теплотой попрощался я.

Маркус покинул двор, а я направился за вдовой, которая одним жестом указала с любопытством наблюдавшей за нами прислуге приступать к обязанностям.

В тот же день я поселился у вдовы. Комнаты и впрямь были без особой роскоши и уж точно отличались от привычных мне в Италии, однако там было уютно и по домашнему. Их было всего две и они находились на втором этаже восточной части дома. Широкие окна выходили в небольшой, но красивый сад. Одна из комнат была выделена под гостиную с немногочисленной мягкой мебелью, состоящей из софы и пары кресел с пуфами. Окна украшали незамысловатые портьеры, а стены несколько картин с пейзажами Франции. Вторая комната являлась спальней с широкой дубовой кроватью и простоватым балдахином. Возле окна расположилось обитое гобеленом кресло, а у самой широкой стены нашли свое место шкаф и ширма.

После того, как я устроился, вдова ненавязчиво предложила поужинать вечером в ее компании и второго постояльца. Я был рад к ним присоединиться, особенно если учесть тот факт, что почти всю мою жизнь моим единственным собеседником был отец.

Спустился я к ужину немного раньше положенного срока. Правила не позволяли одинокой даме оставаться наедине с чужим мужчиной, поэтому при трапезах всегда присутствовала прислуга. И в тот вечер прислуга уже ожидала в гостиной, дабы встретить гостей дома и препроводить в столовую.

– В столовой накрывают. Вам придется немного подождать, господин. Что вам принести? – обходительно встретил меня привратник, исполнявший еще и функцию дворецкого.

– Не стоит беспокоиться. Я просто подожду, – сказал я и устроившись поудобнее в одном из удобных кресел, стал разглядывать картину на стене.

На ней был изображен прибрежный скалистый пейзаж, а вдали над морем возвышался маяк, к нему в море было направлено маленькое рыбацкое суденышко, одиноко болтающееся на волнах.

– Какая безвкусица, не так ли? – заметил чей-то мужской голос позади меня.

Я обернулся и увидел невысокого мужчину лет двадцати пяти, бледнокожего, со светло-каштановыми волосами, одетого по последней французской моде. Это был второй постоялец, с высока вззирающий на картину из-за моей спины. Не стану останавливаться на подробном описании его внешности, так как был знаком с этим человеком недолгое время и за этот короткий промежуток он не вызвал у меня симпатии. Скажу лишь только, что это был избалованный и надменный человек, решивший ради забавы посетить этот маленький городок, дабы потешить свое самолюбие и похвастать достатком и превосходством над другими.

Я покинул свое место дабы поприветствовать незнакомца. Однако тот в свою очередь не был столь любезен. Он застыл

в двух метрах от меня и только оглядев меня с ног до головы, представился:

– Лорд Людовик-Франческо Ричардли.

– Левино Алигьери, – поддержал я.

– Алигьери? Что-то знакомое, – порылся в памяти тот. –

Кажется, когда я посещал Италию, слышал эту фамилию...

Представляю в каких разговорах он слышал эту фамилию.

– Вы часом не являетесь родственником этих Алигьери? –

спросил он.

– Не могу иметь чести знать "этих Алигьери", так как являюсь сыном итальянского купца, владельца крупной судовой компании Меркуцио Алигьери. С иными не знаком, – парировал я, приготовившись к насмешке с его стороны.

На мое счастье Людовик не вспомнил итальянских сплетен о моем отце.

– Я слышал Алигьери довольно уважаемое семейство в Италии, – с этими словами он наконец протянул мне руку.

Я приблизился и пожал ее.

– Будем знакомы! – сказал он.

Я кивнул и жестом предложил устроиться на диване.

В этот момент в гостиной появилась хозяйка дома. Она все так же как и раньше была одета просто по домашнему, однако на этот раз ее наряд был более утонченным, а волосы собраны в высокую прическу и украшены несколькими бутонами роз, отчего она сама благоухала подобно цветку.

Ее миниатюрная фигурка и круглое личико с горящими,

одновременно смело и гордо взирающими большими глазами, были настолько привлекательны и излучали такую энергию, что даже надменный гость оробел в ее присутствии.

–Простите за ожидание, господа! Ужин подан. Прошу к столу! – по хозяйски вежливо пригласила она.

Мы направились в столовую вслед за очаровательной госпожой Уинзор. Людовик пытался следовать рядом с ней так, словно был хозяином дома, однако все равно неуверенно отставал на пол шага. Я шел следом за ним, разглядывая их со спины и пытаюсь угадать, есть ли между ними хоть что-то, о чем говорил моряк Маркус. Мне не удалось ничего такого разглядеть. Хельга была абсолютно холодна к знатному постояльцу. А спустя всего два дня оскорблённый в лучших чувствах лорд Ричардли покинул город в поисках места, где его тщеславие найдет поддержку. Позже я узнал от самой вдовы, что Людовик пытался в чрезмерно некорректной форме добиться ее расположения и получил отставку.

Ужин прошел гладко в рамках знакомства и закончился рано. После него я предпочел выйти в сад подышать теплым морским воздухом, нежели отправиться спать в душную комнату. На небе как и в день моего приезда ярким пятном в окружении миллиона звезд светила луна. Она не была абсолютно круглой. Повернувшись в пол оборота она все же лукаво подмигивала мне. И мне так захотелось запечатлеть ее, что в следующий же вечер, приобретя в местной лавке холст, мольберт и кисти, я вернулся к ней.

Вдыхая аромат южной природы, я только разложил принадлежности и замешал нужную краску на мольберте, как услышал за спиной:

–Вы пишете? – приветливо прошептала госпожа Уинзор.

Я обернулся к ней от неожиданности чуть не выронив кисть.

–Да немного. Я давно уже не занимался этим, но здесь так прекрасно, что я не мог обойти это зрелище стороной, – я неловко указал кистью на небо.

–Вы так любите луну, господин Алигьери? – с сомнением спросила она.

–Да, – неловко добавил я. – Она стала моей верной спутницей после смерти матери.

–Печально, – посочувствовала она. – Вы так одиноки?

–Нет, все в порядке. Одиночество меня не тяготит.

–Разрешите мне приходить к вам и наблюдать за написанием этой картины, – попросила она.

–Конечно, – немного заикнулся я. – Однако второй постоялец не будет скучать?

–К счастью, он скоро покинет нас... Ой! Простите, это не вежливо с моей стороны так отзываться о постояльцах, приносящих доход. Просто господин Ричардли чрезмерно навязчив.

–Но я думал... – неловко оговорился я и замолчал.

–Да, я знаю. Люди всегда болтают. Одной вести хозяйство отнюдь не легко. Уверяю вас, никакой такой цели я не пре-

следую, – спокойно сказала она.

В этот момент за спиной Хельги возник лорд Ричардли, недовольно скривив рот. Она закатила глаза к небу и обернулась к нему с самой обворожительной и одновременно зловещей улыбкой.

Как я и писал ранее, через сутки лорд покинул нас.

Госпожа Уинзор сразу же предложила мне занять его покой, однако я отказался в знак того, что не претендую на ее руку и место хозяина дома, к тому же стоимость проживания вполне меня устраивала.

С тех пор Хельга каждый вечер посещала меня, беседуя со мной и наблюдая за тем как продвигается работа. Днем же мы прогуливались с Маркусом по окрестностям пока он не отправился в очередное плавание. Суша его угнетала. За это время мы сильно сдружились, так что, провожая его в путь, на набережной я испытывал грусть и одновременно немного завидовал ему. Мне невольно вспомнились моменты, когда вот так же стоя на пристани, я провожал отца с братом. В те мгновения я испытывал нечто тяжёлое, даже невыносимое на душе.

Однажды вдова, глядя на мою картину, заметила:

– У вашей луны лукавая улыбка.

– Такая же была у вас в тот вечер, когда я начал писать эту картину, – признался я.

Хельга смутилась, но виду не подала. Ее выдавал легкий румянец и на мгновение отведенный взгляд.

–Простите, я смутил вас.

–Нет. Ну что вы, – поспешила разуверить меня она.

–Вы покраснели, – осторожно заметил я.

–Нисколько, – уверенно опровергла она.

С этого момента вдова, мне казалось, стала чуть прохладнее и реже приходила по вечерам, ссылаясь на усталость от домашних дел.

Когда же я закончил свое творение (получилось кстати недурно), то подарил картину ей. Она была польщена, но, к моему разочарованию, всего несколько дней спустя сдала пустующие комнаты новому постояльцу, а еще через месяц сообщила мне о том, что ее решил посетить дядюшка и так как поселить его негде, мне придется освободить комнаты. Разумеется она чувствовала неловкость за это, поэтому сначала нашла для меня подходящее место по приемлемой цене, как раз то, что я хотел изначально – небольшой уютный домик на берегу моря. Но мне так уютно было в этом доме, что не хотелось съезжать.

Разумеется я понимал, что Хельга попросила меня освободить комнаты по той же причине, по которой просила об этом остальных постояльцев. Я пытался убедить ее в том, что мой интерес к ней, наши беседы и картина не являются ухаживанием и попыткой занять более значимое место в этом доме, однако был безуспешен. Вдова, хоть и в мягкой форме, настаивала на моем переезде и именно в место подобранное ей. У меня не было особых вариантов и я согласился.

Маркус же, посещавший меня время от времени, когда вернулся в город из плавания, услышав о том, куда я хочу перебраться, лишь недоверчиво покачал головой. На мой вопрос, чем ему так неприятно это место, сказал, что место само по себе прекрасно, а вот его владелец не отличается тем же. Он поведал мне, что хозяин домика довольно замкнутая особа, редко покидающая свой дом и не желающая до этого момента видеть в своих владениях каких-либо чужаков. С чего вдруг он изъявил желание сдавать хоть пядь своей собственности и каким образом вдове Уинзор удалось с ним договориться, долгое время оставалось загадкой для меня. Но так как больших причин не селиться туда я не нашел и, повторяюсь, особого выбора у меня не было в тот момент, я переехал туда.

Глава 5

Мне не было суждено дожить до старости, я умер молодым. Мою смерть звали граф Франсуа Мельен, владелец того самого уютного места, в котором я поселился на недолгий срок.

Граф Мельен оказался старичком среднего роста лет семидесяти, довольно дряхлый на вид, но очень шустрый и не такой хрупкий на самом деле, с пышной до плеч шевелюрой пепельно-белых волос и множеством морщин по всему лицу. В противовес виду, его голос и руки не соответствовали годам.

Первая встреча с ним состоялась за несколько дней до окончания срока моего проживания у вдовы. Хельга пригласила его на обед к себе, но тот отказался, сославшись на возраст, и предложил нам самим посетить его в первой половине четверга. В назначенное время я под покровительством госпожи Уинзор и в компании ее служанки и привратника отправились к графу.

Было позднее осеннее утро, стояла не редкая для тех мест чудесная погода. Втроем мы уселись в простую карету госпожи Уинзор, привратник правил, и поехали во владения графа. Ехать предстояло за город часа два. Владения графа Мельена были удалены от порта, но находились на берегу.

Обрамленный густой зеленью южных растений дом, скорее больше похожий на дворец, возвышался над деревьями, протягивая пики башен к голубому чистому небу. Дорога к дому петляла вдоль моря, то удаляясь от него, а то почти сближаясь с ним. Соленый запах морской свежести здесь чувствовался особенно сильно. Я уже начал мечтать, что мое новое место бессрочного пребывания в этом прекрасном городке окажется приятным, так оно и было.

За всю дорогу моя спутница не проронила ни слова, она пребывала в непонятной мне волнительной задумчивости, а когда карета остановилась у высоких ворот она словно очнулась и, взглянув в окошко, едва заметно улыбнулась.

– Приехали! – тихо сказала она сама себе.

В этот момент ворота во владения графа бут-то по велению невидимой руки плавно растворились, пропуская карету на территорию. Только проезжая мимо я заметил у ворот худощавого высокого пожилого мужчину, лет пятидесяти пяти. Тот ловко затворил ворота на засов и, вспрыгнув на козлы замедлившей на мгновение ход кареты, исчез из виду.

Дорога к дому была вымощена побелевшим от времени и морской соли камнем и вела сквозь длинную аллею. В тени высоких деревьев, среди свисающих крон карета словно плыла к белокаменному огромному дому. Дорога упиралась в фонтан и обнимая его, обрывалась у широкого крыльца, скрываемого потоком воды, бьющей из фонтана. В центре фонтана располагался гигантский бронзовый цветок, из ко-

того в разные стороны вытекали струи воды.

На широком крыльце, раскрывшем свои объятия подобно радушному хозяину, нас ожидал дряхловатого вида, но ухоженный старичок. По видимому это и был граф. Однако выражение его лица отнюдь не отражало радушия. Он скупо пожал мою руку, когда вдова представила нас друг другу. Что не скажешь по его виду, рукопожатие хоть и было легким, но довольно крепким для старика. Он едва удостоил меня взглядом и просветлел только когда прильнул губами к нежной руке госпожи Уинзор. Та в свою очередь прибывала в некоем не типичном для нее волнении. Если бы я не видел графа до этого момента, то подумал, что они испытывают друг к другу глубокие чувства.

Граф Мельен предложил прелестной даме взять его под руку и сопроводил нас внутрь дома. Неуловимый лакей, ранее отворявший ворота, вежливо распахнул высокие двери дома, при этом сделав неглубокий, но учтивый поклон.

Хельга с графом пропустили меня вперед, а сами направились следом. Необъяснимо почему, но я чувствовал спиной их внимательный взгляд.

Мы оказались внутри просторного холла, купол которого уходил на несколько этажей вверх и был расписан античными фресками. Внутри было так же светло, как и снаружи. Высокие скругленные сверху окна украшали длинные бархатные портьеры шоколадного цвета с золотистой каймой. Пол устилала мраморная плитка, образующая розу ветров в

центре зала. Повсюду стояла изысканная светлая мебель в стиле ампир. Отсюда дом напоминал скорее дворец чем дом графа-затворника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.